Остаток дней перед летними каникулами пролетел в мгновение ока. Как только линейка подошла к концу, мы вернулись в класс, чтобы забрать свои табели успеваемости, и к обеду мы были уже свободны. Примерно половина моих одноклассников сразу же разбежалась либо по домам, либо по клубам. Оставшаяся половина сравнивала табели друг друга, параллельно с этим строя планы и увлеченно болтая о том, как они собираются провести летние каникулы. Пляж. Шашлыки. Фейерверки. В общем, самые стандартные летние активности.

Я же в это время просто сидел в стороне, задумчиво наблюдая за одноклассниками. Когда я понял, что это, вполне возможно, последний раз, когда я сижу в классе 2-А, на меня внезапно нахлынули эмоции, и потому я все никак не мог заставить себя подняться с места.

Пока я оглядывал класс, мне на глаза попалась старая группа друзей Кохару. Девчонка по имени Ханеда стала новым лидером группы, и все они, казалось, обсуждали это с обычной для них беспечностью.

В то же время Кохару, которая раньше всегда находилась в центре этой группы, сейчас сидела в другом конце класса, робко собирая вещи, чтобы пойти домой. Однако, к моему удивлению, вместо того чтобы направиться прямиком к двери, она подошла поговорить с Андзу, которая также собиралась уходить. Они достали мобильники, немного поболтали, а затем, приятно улыбнувшись друг другу, вышли из класса. Полагаю, что они, скорее всего, обменялись номерами.

Посчитав, что пора бы мне тоже уходить, я отодвинул стул, собираясь встать, но Шохей тут же окликнул меня из-за спины.

— Эй, Каору. У тебя есть планы на сегодня?

— Не-а. А что?

— Я и несколько парней из клуба каллиграфии собираемся сходить взять чего-нибудь перекусить. Хочешь с нами?

И только я собирался вежливо ему отказать, как задумался. Существует весьма большая вероятность того, что это будет последним разом, когда я смогу побыть с Шохеем. В каком-то смысле, возможно, будет хорошей идеей принять его предложение и сходить с ним куда-нибудь в последний раз — так, на всякий случай… А затем я подумал еще и в итоге понял, что это все-таки плохая идея. Я не член клуба каллиграфии, поэтому если я присоединюсь к ним, то это лишь заставит их чувствовать себя скованно.

— Не, извиняй. Я, наверное, откажусь.

— Ничего себе. Ты и правда задумался над ответом. Ты ведь думал о том, чтобы пойти, да? — поддразнил Шохей. Какой же он проницательный. — Ну же, чувак. Не стесняйся. Те парни не кусаются, обещаю. Они довольно спокойные.

— Не, правда не стоит. Я сейчас абсолютно на мели.

— Ну, я не против купить тебе чего-нибудь. Считай это подарком за становление частью нашей группы!

— Спасибо, но мне это кажется неправильным. Не беспокойся обо мне. Так что веселитесь. Увидимся, — сказал я, завершая разговор, а затем встал со стула.

— Ну же, чувак. Ну че ты, — сказал Шохей, схватив меня за руку. Я прямо почувствовал, как над моей головой возник знак вопроса. Сегодня Шохей был на удивление настойчив. — Ты слишком молод, чтобы вести себя, как старый ворчливый отшельник. Это лучшие годы твоей жизни, братан. Тебе нужно наслаждаться ими, пока можешь.

— Нет никаких гарантий, что мне понравится.

— Ну, иногда важно хотя бы пытаться социализироваться.

— Это что, марафон среди учеников начальной школы? Мне не нужен чертов приз за участие, — не выдержал я. Затем осознав, что завожусь без какой-либо на то причины, я прочистил горло и попытался успокоиться. — Слушай, я ценю эту бесплатную консультацию психолога, но мне правда не нужны советы. Я не собираюсь искать свое новое «я». Я просто пытаюсь сохранить статус-кво*.

[П/Р: Статус-кво — прежнее положение вещей.]

— Да ну? Тогда чего это ты в последнее время так часто пропускаешь занятия?

А вот это заставило меня задуматься. Я ненавидел заставлять других беспокоиться обо мне, и Шохей никогда не волновался за меня настолько очевидно. Мне правда было стыдно отмахиваться от его благих намерений, но я не мог рассказать ему правду. Туннель Урашимы — это секрет между мной и Андзу, и им не следует делиться ни с кем больше. Если я расскажу Шохею о туннеле, то предам наше с Андзу взаимодоверие, так что я решил проигнорировать это чувство вины и ничего не говорить.

— Все в порядке, если ты не хочешь рассказывать мне правду. Но я все-таки вот что скажу, — начал Шохей, наклонившись ко мне так близко, словно он собирается схватить меня за грудки. — Чувак, если ты не хочешь потратить всю свою жизнь впустую, то тебе реально надо научиться выходить из зоны комфорта. Хватит зацикливаться на том, что тебе придется потерять, и начни думать о том, что тебе нужно получить. Просто вставляю свои пять копеек.

— …Я не зацикливаюсь, — сказал я, легонько оттолкнув его. — Кроме того, ничто не пропадает навсегда. Всегда есть способ вернуть утраченное.

Шохей выглядел озадаченным моим ответом, словно вовсе не понял сказанных мною слов. Я решил уйти до того, как он успеет спросить, что я имею в виду.

— Ну, увидимся в сентябре, — сказал я, выходя из класса.

Шохей разочарованно вздохнул.

— …Ладно, увидимся. Только не пропадай в начале следующего триместра.

***

Наступил первый день летних каникул, и я вновь ждал Андзу у входа в Туннель Урашимы. Сегодня был очередной жаркий день, причем настолько жаркий, что вполне можно сойти с ума, но, к счастью, в этот раз она пришла ровно в час дня, как мы и договаривались.

— Прости, что заставила ждать, — сказала она, спускаясь по лестнице, и я помахал, приветствуя ее.

Она носила одежду с длинными рукавами и штаны, несмотря на невыносимую жару, а также широкую шляпу от солнца. Хотя, справедливости ради, ее одежда определенно соответствовала случаю, учитывая, что нашей задачей на сегодня было исследование не самого туннеля, а горного леса вокруг него. Идея состоит в том, что у каждого туннеля есть вход и выход, так что если название «Туннель Урашимы» не является уткой, то гипотетически мы должны найти выход где-то на другой стороне этого огромного холма. Это наша главная задача на сегодня.

— Ты правда думаешь, что мы найдем выход? — задумался я вслух. — Просто будет достаточно сложно прошерстить целую гору.

— Если мы не сможем его найти, то прокопаем путь со стороны прямо в туннель. Бам. У нас есть срез.

— …Чего?

— Я шучу.

Ничего себе. Ханаширо? И пошутила? Никогда не думал, что застану этот день.

— Очевидно, что я никогда бы не предложила нечто настолько безрассудное, — объяснилась она. — Что, если произойдет обвал и мы застрянем внутри?

Наверное, я все равно задумаюсь о том, чтобы прибегнуть к прокапыванию нового туннеля,

если поиск выхода окажется слишком сложным, но пока что, с точки зрения и времени, и усилий, лучшим вариантом для нас будет попытаться найти другой конец туннеля.

— Да и как мы вообще это сделаем? Арендуем экскаватор?

— Потенциально. Как думаешь, во сколько это нам обойдется?

— Вообще без понятия.

Даже если мы сможем арендовать экскаватор, каким образом мы должны довезти его до туннеля?

Наверное, нам стоит на корню пресечь эту затею и приступить к делу.

— Ладно, какой у нас тогда план? — спросил я.

— Думаю, для начала нам надо сделать полный круг вокруг горы. Думаю, ты в этом деле, скорее всего, опытнее, чем я, так что почему бы тебе не повести, здоровяк?

— Еще бы, городская. С радостью покажу что да как. Пошли.

И вот, мы отправились по нетоптаной тропинке.

***

Мы прекратили поиски спустя каких-то два часа. Причина: мы недооценили гору. Недооценили ее мощь. Мы предположили, что раз уж лес здесь не очень густой, то мы сможем пробраться через него без особых проблем, но мы явно просчитались.

Однако главной причиной нашего провала является то, что у нас не было четкого места назначения. Одно дело, если бы мы просто шли из пункта А в пункт Б, но так как мы искали что-то, понятия не имея, где оно находится, то это означало, что нам пришлось скрупулезно проверять каждую кучку грязи, чтобы удостовериться, что мы ничего не упустили, а это та еще задачка.

Поначалу все это ощущалось веселым испытанием, словно мы взбирались по горе, чтобы провести на ее вершине приятный пикник с отличным видом. Однако поймав лицом паутину и споткнувшись о гигантские корни больше раз, чем нам бы того хотелось, все разговоры между нами прекратились, и в конечном итоге мы потерялись. Мы даже потеряли путь, по которому пришли сюда. Когда мы наконец-то вернулись ко входу в Туннель Урашимы, мы оба выглядели так, будто сбежали из фильма ужасов.

— М-да, такая себе в итоге идея. Прости, — извинилась Андзу, убирая из волос очередную паутину.

— Не, мне тоже следовало бы догадаться... Если честно, то мне кажется, что после такого приключения нам лучше бы закруглиться на сегодня, даже если сейчас всего лишь три часа дня.

— Да, согласна. Мне нужно принять душ и как можно скорее…

Мы поднялись по лестнице к железной дороге, оба более чем готовые пойти домой. Как вдруг я осознал кое-что ужасное. Я потянулся вниз и похлопал по карману джинс, но ничего в нем не почувствовал. Я отчаянно засунул руку в карман, но увы, внутри совершенно пусто.

— Что такое? — спросила Андзу.

— Кажется, я где-то выронил ключи от дома…

— Ой-ой. А ты будешь в порядке без них?

— Да, у меня дома есть запасной ключ. Но я не смогу попасть внутрь, пока батя не вернется домой, так что, кажись, придется мне найти способ убить пару часов…

К счастью, обычно он возвращается домой не так поздно, когда идет на работу в выходной день, так что надеюсь, что мне придется подождать лишь где-то до восьми вечера. Не то чтобы у меня были какие-то гарантии.

— Ну, в таком случае!.. — выпалила Андзу высоким, взволнованным голосом. Ее лицо было ярко-красным, и что-то подсказывало мне, что это явно не из-за светившего на нас весь день солнца. Затем, после невыносимо долгой паузы, она высказала свое предложение более мягким и робким голосом:

— Не хочешь… сходить ко мне?

***

Квартира Андзу находится достаточно близко к центру города. Пройдя через автоматические входные двери, мы оказались в безупречно чистом подъезде. И хотя я бы никогда не сказал такого вслух, но этот дом явно в разы роскошнее дома Кохару. В конце концов мы остановились перед дверью, которая, как я предполагаю, ведет в квартиру Андзу, однако я заметил, что на двери было написано не «Ханаширо». Затем я вспомнил, что она сказала мне в тот день, когда побила хулигана из старших классов: у Андзу нет родителей. Я рад, что смог вспомнить об этой небольшой детали до того, как спросил об этом.

Она открыла дверь, и я последовал за ней в прихожую, где перед нами оказалась женщина в возрасте, которой, вероятно, недавно перевалило за пятьдесят. Ее седые волосы были собраны в пучок, а с руки свисала пара сумок для покупок. Судя по всему, мы вошли как раз в тот момент, когда она собиралась идти в магазин. Андзу остановилась, чтобы поприветствовать ее, хотя и более формально, чем я ожидал, учитывая, что они живут вместе. Я взял это на заметку, а затем просто сделал поклон головой вместе с Андзу.

— Это твой друг, Андзу? — спросила женщина, смотря на меня, как мне показалось, с искренним удивлением. Затем, словно вспомнив о своих обязательствах, она ахнула, подняв руку и прикрыв ею рот. — О, боженьки! Где же мои манеры? Позвольте заварить вам двоим немного чая, прежде чем уйти…

— Это будет лишним, — сказала Андзу, покачав головой. — Пожалуйста, продолжайте заниматься своими делами.

— Ты уверена?.. Ну, тогда ладно, — сказала женщина и протиснулась мимо нас к двери.

— Нам сюда, — сказала Андзу, ведя меня дальше. Она пошла по коридору, и я последовал за ней.

— Если что, это моя тетя, — объяснила она до того, как мне выдался шанс спросить. — Ее муж скончался два года назад, а дочь живет отдельно. Поэтому мы живем здесь одни. А если ты гадаешь, почему я общаюсь с ней так формально, то это из-за того, что мы почти не разговариваем. Мы с ней скорее не семья, а соседи.

— Хм. Интересная у вас ситуация…

— Заходи, — Андзу открыла дверь, находящуюся в конце коридора, и указала мне внутрь. — Я сейчас вернусь.

Она убежала в другую комнату, ступая по деревянному полу в приятном ритме. Спустя немного времени она вернулась с закатанным в рулон полотенцем и стаканом.

— Вот, чай со льдом и смоченное полотенце.

— О, спасибо.

— Я пойду быстро приму душ. А ты пока можешь вытереться полотенцем.

Андзу нажала на кнопку на небольшом пульте, чтобы выключить кондиционер, а затем вновь оставила меня в комнате одного. Не зная, чем заняться, я уселся на пол и сделал глоток чая со льдом. Затем я развернул смоченное полотенце и вытер им лицо и шею, параллельно с этим осматривая комнату.

Сразу же мне на глаза попался огромный книжный шкаф, который заслонял почти всю стену. На его полках стояло множество различных книг, варьирующихся от классической литературы до популярной манги, и все они были аккуратно расставлены по издателям. Это было идеальным примером внимания Андзу к деталям. Следующее, что я заметил, это письменный стол, который был на удивление единственным беспорядочным местом в ее безупречно прибранной комнате. На нем стояли неровные стопки книг, а вся столешница была покрыта стружкой от ластика. Однако за исключением этих двух деталей, комната Андзу была такой же строгой и невзрачной, как и комната Кохару. Я гадал, являются ли их комнаты исключением из правила, или же отсутствие личного опыта общения с девчонками просто дало мне странную идею о том, как должна выглядеть комната девочки-подростка.

Закончив осматривать комнату и полностью стерев с себя грязь и пот, я заскучал. И это не большая проблема, так как мне было немного неловко находиться одному в комнате девчонки, ничем при этом не занимаясь, так как у меня никогда не было подруг. Даже просто сидеть и ни о чем не думать было тем еще испытанием, потому что я постоянно отвлекался на легкий, сладковатый, женственный аромат, который, казалось, существует лишь в комнатах девчонок. В попытке чем-то себя занять я решил почитать томик манги, так что я встал и подошел к книжному шкафу. Андзу же не будет против, если я возьму один томик, так ведь? К счастью, у нее оказалась одна манга, которую я собирался как-нибудь прочитать, поэтому я взял томик с полки.

— Хм?

Именно тогда я и заметил конверт, втиснутый между томами манги и находящейся над ними полкой, словно его спрятали. Заинтересовавшись, я достал его. В углу на лицевой стороне были напечатаны название компании и логотип: «Издательская Компания Ютоша». Конверт уже был открыт, но даже так я не собирался рыться в чьей-то почте. И только я собирался положить его обратно на место, моя рука замерла.

Погодите-ка минуточку. А Ютоша разве не… довольно крупное издательство?

Затем в моей голове внезапно всплыло воспоминание о том, как Андзу ползала по земле, отчаянно собирая страницы с рисунками.

Неужели она?..

Мой здравый смысл изо всех сил старался подавить мое разбушевавшееся любопытство, но в итоге победителем вышло последнее. Дрожащими руками я медленно достал из конверта письмо, а затем взглянул на него.

— …Ну нихрена ж себе.

***

Я услышал, как дверная ручка повернулась, после чего в комнату вошла Андзу.

— Прости, что так долго… Подожди, ты что, читаешь мою…

— А, да. Виноват. Мне было скучно, так что я решил чем-то себя занять. — Я сидел на полу, прислонившись спиной к кровати, листая один из ее многих томиков манги. — Мне следовало сначала спросить разрешения?

— Нет, все в порядке.

Нося кружевную камисоль* с такими же домашними шортами, Андзу обнажала гораздо больше кожи, чем когда-либо раньше, отчего даже простое пребывание с ней в одной комнате заставляло мое сердце биться чаще. А когда она подошла и села прямо рядом со мной, то я занервничал еще сильнее. Я положил читаемую мною мангу на столик и попытался завязать разговор в тщетной попытке не допустить, чтобы ситуация стала еще более неловкой.

[П/Р: Камисоль — женский короткий топ на бретельках.]

— Много же ты читаешь манги, а?

— Ага, это точно. Тебя это удивляет?

— Да, немного. Просто в школе я видел тебя только с обычными книгами.

— Ух ты, ты, должно быть, часто на меня смотришь.

— Ну, да. Это же ты отказываешься вливаться в коллектив. Не моя вина, что ты так выделяешься.

Это сильно рассмешило ее, отчего я также немного расслабился. Затем мы немного поболтали, с энтузиазмом обсуждая наши любимые фильмы, книги, еду и прочее. Мы коротали теплые, сонливые, послеполуденные часы, где каждая минута казалась ленивее предыдущей, пока время текло, как мед, медленно и сладко.

— Если говорить с тобой на чистоту, на самом деле у меня все еще есть родители, — вдруг призналась она вскоре после того, как мы закончили ностальгировать по нашим любимым видеоиграм из детства. — Это не было ложью в том смысле, что они больше не являются частью моей жизни, но я все еще сожалею, что ввела тебя в заблуждение. По правде говоря, мои мать и отец все еще живут в Токио. Они всегда были очень строгими, и, наверное, им было сложно справляться с такой бунтаркой, как я. Поэтому они вышвырнули меня из дома, надеясь, что я изменюсь, пожив какое-то время со своей тетей на этом заброшенном острове.

— Эм, ты же понимаешь, что мы все еще находимся на главном острове, так?

— Это была метафора. Не воспринимай это так буквально.

Я мог только посмеяться и покачать головой. Вообще, Козаки даже не является таким уж удаленным городком. Ну да ладно.

— Я всегда ненавидела своих родителей, — продолжила она. — То, как они относятся ко мне, словно я больная на голову, раз хочу следовать своим мечтам и стать известной; просто потому, что это не «стабильная» карьера, подобная их скучным и бесполезным работам, на которые они решили потратить всю свою жизнь. Я никогда не прощу их за это. Но знаешь, что действительно печально? Когда они сказали, что отправляют меня жить в Козаки, я приняла это куда ближе к сердцу, чем ожидала. Словно во мне все еще теплится некая привязанность к ним, от которой я никак не могу избавиться, неважно, насколько бы сильно я не убеждала себя в том, что ненавижу их. Я такая дура.

Андзу покачала головой, упрекая себя.

— В общем, да. Как ты можешь себе представить, даже когда я приехала сюда, я все еще была сильно обеспокоена всей ситуацией. Мне казалось, что я нахожусь на грани, и из-за этого вела себя куда более безрассудно, чем следовало. Типа, к тому моменту я уже побывала во многих драках, но со мной никогда не случалось такого, чтобы парень дал мне пощечину, а затем начал пинать меня в живот. Если честно, пока ты не показался вместе со своим другом, я была готова расплакаться… Помнишь, что ты тогда сказал? Когда я сказала тебе, что у меня нет родителей?

— Ага. «Везет тебе», да?

— Именно. Ты сказал это так легко. В тех словах не было абсолютно никакой симпатии или враждебности. Когда я это услышала, я подумала: «Фига се, этот парень через многое прошел. Он пережил куда больше, чем я». Кстати говоря, именно по этой причине я и проследила за тобой до туннеля после школы. Я должна была узнать, что же такого произошло с человеком, что он так легко говорит подобные вещи.

— …Ха. Никогда бы не подумал.

— Я знаю, что это, наверное, прозвучит очень грубо, но… в каком-то смысле я уважаю тебя. Ну, за то, что через столькое прошел. Некоторым людям требуется потратить всю свою жизнь, чтобы развить такую глубину характера. Вот, что делает тебя таким интересным, Тоно-кун. Именно поэтому меня и притягивает к тебе.

Я почувствовал, как Андзу прислонилась своим оголенным плечом к моему. Я почувствовал аромат ее только что вымытых с шампунем волос, отчего мои извилины начали сходить с ума.

— Эй… Взгляни на меня.

Я медленно повернул голову и встретился со смотрящим на меня снизу вверх взглядом Андзу. Румянец на щеках. Мерцающие глаза. Блестящие губы. Слегка подрагивающее горло, пока она сглатывала последние сомнения.

— Тоно-кун, мне… Мне кажется, я…

— Эй, Ханаширо, — перебил я, беспощадно оборвав ее незаконченную мысль, словно мясницкий нож, пополам рассекший барахтающуюся рыбу.

— …Да? Что такое? — спросила она, явно обиженная тем, что я разрушил момент.

Затем, не теряя ни секунды, я выпалил: «Ты рисуешь собственную мангу?».

На секунду Андзу выглядела так, словно совсем не поняла смысл сказанных мною слов. Она выглядела такой озадаченной, что я начал беспокоиться о том, что все это, возможно, одно большое недоразумение. Однако эти сомнения быстро оказались развеяны.

— Погоди… Как ты… Э?! — возмутилась Андзу, дрожа всем телом, пока ее рот продолжал открываться и закрываться, как у золотой рыбки. Ее и без того красное лицо стало еще ярче, а глаза открылись так широко, что мне показалось, будто они вот-вот вылетят из орбит. На ее лице перемешались замешательство, смущение и неверие.

— К-к-как?.. — взмолилась она, отчаянно прося объяснения.

— Когда я взял томик манги из шкафа, я заметил торчащий оттуда конверт. Мне стало интересно, что это, поэтому я заглянул внутрь и увидел что-то вроде листа оценки манги. Ну, знаешь, как те, которые ты получаешь, когда подаешь работу на конкурс.

Андзу устрашающе заворчала, а затем напрыгнула на меня, схватив за грудки. Учитывая, что она уже и так прислонялась ко мне плечом, я попросту не успел оттолкнуть ее от себя, и поэтому упал спиной на пол под ее весом.

— Как ты посмел рыться в моих личных вещах?!

Она сидела на мне, тряся за плечи и тем самым колотя затылком о твердый деревянный пол. Во всей этой суматохе одна из лямок камисоли соскользнула с ее плеча, обнажив часть лифчика. В панике я отвел взгляд.

— Мне стало интересно, только и всего… — ответил я застенчиво.

— Н-нельзя просто б-брать и рыться в ч-чужих письмах!

— Да, знаю. Прости. Но серьезно, тебе нечего стесняться.

— Я не стесняюсь! Я в ярости!

Ух.

Я знал, что она рассердится, но чтобы настолько? Мне нужно было как можно скорее уладить ситуацию.

— Нет, правда! Я считаю, что это очень круто! Особенно учитывая, что тебе, как я понял, дали довольно высокую оценку. И, судя по небольшой аннотации, эта манга как раз в моем вкусе. Я бы с радостью ее когда-нибудь почитал.

— Что…

Внезапно меня перестали трясти, и Андзу отпустила мои плечи. Я выполз из-под нее, а затем сел прямо напротив Андзу.

— Я заметил, что твой стол покрыт стружкой от ластика. Ты все еще работаешь над чем-то? У тебя есть что-то законченное, что ты могла бы мне показать?

— Что? Нет… Ни одна из моих работ не достаточно хороша, чтобы показывать другим… — пробормотала Андзу, а ее возмущение в мгновение сменилось застенчивостью. Вообще, это выглядело довольно-таки мило.

— Если ты принимаешь участие в конкурсах, то полагаю, ты хочешь стать мангакой, так ведь? В таком случае тебе определенно надо узнавать мнение других людей. Ну же, пожалуйста? Обещаю, я скажу свое честное мнение.

— Но это так смущает…

Она готова вот-вот согласиться.

Еще немного, и она согласится.

— Пожалуйста, умоляю тебя! Я хочу получить возможность хвастаться тем, что прочитал хит Андзу Ханаширо до того, как она стала знаменитой! Да че уж там, я бы даже заплатил тебе за привилегию прочитать его!

— Хн-н-н-н…

Я не мог понять, означал ли этот звук, что Андзу была польщена, запутана или раздражена, тем не менее она подползла на четвереньках к письменному столу и достала пачку листов бумаги из одного из выдвижных ящиков. Затем она гуськом подошла обратно ко мне и выставила их передо мной, держась за них так крепко, словно это был какой-то сертификат или диплом.

— Вот, — сказала она. — Это моя последняя работа… Я только недавно закончила рисовать ее. Можешь прочитать, если тебе так сильно хочется.

— Ты правда не против?

— Т-только не ожидай многого. Уверяю тебя, что она покажется совсем любительской по сравнению с работами известных профессионалов, которые ты наверняка уже читал…

— Ну, даже если и так, мне все равно хочется глянуть на нее. Спасибо.

Я аккуратно взял манускрипт обеими руками, пытаясь оказать ему столько же уважения, сколько оказывала Андзу. И сразу же мой взгляд зацепила впечатляющая обложка. Если бы мне сказали, что эта манга продается в магазинах, то я бы нисколько в этом не усомнился. Я знал, что книгу никогда не следует судить лишь по обложке, но она определенно давала мне надежду, что содержание будет таким же хорошим. Находясь в предвкушении, я открыл первую страницу.

Комната погрузилась в тишину. Из-за полного отсутствия каких-либо других звуков, шум кондиционера казался гораздо громче, чем был на самом деле. Все то время, пока я читал, Андзу выглядела очень взволнованной. Она постоянно играла с волосами, ерзала на месте и в целом никак не могла успокоиться. Позабавленный этой новой очаровательной стороной неуязвимой девчонки, которую, как мне казалось, я отлично знал, я украдкой бросал на нее взгляд каждый раз, когда переворачивал страницу, пока она не разозлилась и не сказала мне сосредоточиться на чтении. Я высказал свои искренние извинения и сделал так, как мне велели.

Не прошло и пяти минут, как я закончил читать эту мангу. Если бы меня попросили назвать ее жанр, то я бы сказал, что это научная фантастика. Это история об одинокой девочке в постапокалиптическом мире, которая отправилась в путешествие на поиски других выживших.

— …Н-ну как? Что думаешь? — осторожно спросила Андзу с явным беспокойством в голосе. Она сидела на коленях с ровной осанкой в формальной позе. Как я и обещал, я дал ей свою честную оценку.

— Я думаю, что это просто великолепно! — воскликнул я, с восторгом подняв манускрипт. — Главная героиня показалась мне очень приятной и интересной. Особенно в последней сцене,

где она узнает, что она на самом деле андроид, которому только кажется, что она человек. Сначала это оказывается для нее огромным шоком, но она не сдается и продолжает искать выживших. Эта часть произвела на меня огромное впечатление. А, да, и мне также понравилось то, сколько предзнаменований ты добавила на протяжении всего манускрипта, которые как бы намекают на то, что все это время она была андроидом. Я не заметил ни один из них во время прочтения, и поэтому мне теперь очень хочется прочитать его еще раз, чтобы узнать, что еще я пропустил. Это определенно занимательная история. Не жалею ни минуты, потраченной на ее прочтение.

— П-правда?! — взвизгнула Андзу радостным голосом.

— Ага. Если бы ты сказала мне, что это ваншот* из какого-то известного еженедельного журнала манги, то я бы нисколько в этом не усомнился. Это правда невероятно. Я и понятия не имел, что ты настолько талантливый художник, и уж тем более писатель. И тот факт, что ты так стараешься и уже принимаешь участие в конкурсах…

[П/Р: Ваншот — небольшая манга (15-60 страниц), в которой отсутствует деление на отдельные главы.]

— Эм, п-прости, можешь дать мне секунду? — перебила меня Андзу. Она встала, а затем запрыгнула на кровать и зарылась лицом в подушку. Сначала я не совсем понял, что это значит, но затем она забила по кровати ногами и начала визжать от радости.

— Х-Ханаширо?

Все, что я слышал, это ее приглушенные взвизгивания, полные восторга. Я не знал, пыталась ли она их скрыть, но я рад видеть, что Андзу, судя по всему, осталась вполне довольна моим отзывом. Она продолжила махать ногами еще несколько секунд, после чего резко остановилась, словно у нее сели батарейки. Медленно перевернувшись, она села, выпрямила спину и попыталась успокоиться. Ее прилипшая ко лбу челка начала виться от статического электричества.

— …Что ж, такого счастья мне хватит на следующие пять лет, — сказала она.

— Ха-ха. Кажись, ты все-таки не зря дала мне прочитать манускрипт! Если ты когда-нибудь захочешь дать мне на «проверку» что-то еще, то просто дай мне знать. Мне кажется, что тебе определенно стоит узнавать мнение других, если ты стремишься сделать это своей работой.

— Ну, на самом деле я не собираюсь становиться профессионалом. Я вкладываю в это слишком мало усилий, чтобы добиться серьезного успеха. Время от времени я отправляю свои работы на конкурсы просто из интереса, ну и потому что мне нравится читать отзывы…

— Хм, серьезно? А жаль. Мне кажется, что твои работы уже и так чертовски хороши.

— Это не так… — стеснительно пробормотала Андзу, пытаясь отвести от меня взгляд. Она вновь покраснела до ушей. Я подождал, пока она вернет самообладание, а затем сразу же задал свой следующий вопрос.

— Слушай, я тут все хотел у тебя кое-что спросить.

— Да? Что такое?

— Все те листы бумаги, что мы нашли в Туннеле Урашимы… Это страницы из нарисованной тобой манги?

Глаза Андзу немного расширились, но лишь на секунду, после чего она выпрямила спину и утвердительно кивнула.

— Да, так и есть. Все то, что я нарисовала еще в начальной школе.

— Ага. Так я все-таки был прав…

Судя по тому, что я успел тогда рассмотреть, я был уверен, что это страницы из манги. Вот только я понятия не имел, почему Андзу так ими дорожит.

— Кстати говоря, прости за тот случай, — сказала она. — Я повела себя довольно эгоистично…

— Все нормально. Что сделано, то сделано. Хотя мне все-таки хотелось бы узнать, почему ты так дорожишь этими страницами, если ты не против мне рассказать.

Андзу вздохнула, а затем ответила мягким, робким голосом.

— Это нарисованная мною манга, которую мои родители выбросили.

— Погоди. Они выбросили нарисованную тобой мангу в мусорку?

— Ага. Когда мне было десять лет, я попала в неприятности за то, что рисовала посреди урока, а затем мои родители узнали об этом на родительском собрании. Они сказали мне прекратить тратить время на вещи, которые «никак не помогут мне в жизни», а затем заставили меня смотреть, как они выбрасывают все, что я нарисовала, в мусорку.

— …Уф. Довольно сурово.

— Я потратила столько времени и сил на каждую из этих страниц. Поэтому я расплакалась и сильно поссорилась с родителями. С тех пор я посвятила все свободное время рисованию назло

им, занимаясь этим прямо у них на виду. Я никогда и никому об этом не рассказывала, но я отказываюсь переставать рисовать мангу, чего бы мне это ни стоило. Если честно, тогда-то у меня и начались проблемы с родителями, и это то, что ультимативно заставило их выгнать меня из дома и отправить сюда.

— М-да уж…

Это было довольно тяжело слушать. Теперь я понимаю, почему Андзу так отчаянно пыталась собрать те страницы, когда мы были в туннеле. И я уважаю ее стремление продолжить рисовать мангу, потому что это то, чем она обожает заниматься, даже если ее родители совершенно этого не одобряют. Я нахожу подобную страсть весьма благородной.

— Но раз уж тебе так нравится рисовать мангу, то я не вижу причин, почему тебе нужно было скрывать это от меня в принципе. Особенно когда у тебя получается настолько хорошо.

— Я не хотела рассказывать тебе об этом именно потому, что это так много для меня значит.

— Хм. Неужели все художники так себя чувствуют?

— По крайней мере для меня это так, — сказала Андзу, прикусив губу. После долгой паузы она решила сменить тему. — …Но почему моя старая манга оказалась внутри Туннеля Урашимы?

— А что здесь непонятного? Полагаю, наверное, потому что ты хотела вернуть ее.

— Хм… А хотела ли я вернуть ее?

— Меня не спрашивай. Откуда мне знать?

— Если честно, я сама не уверена на сто процентов. Типа, конечно, я бы не оставила свою старую мангу в туннеле, однако если мы говорим о том, было ли в глубине моей души желание вернуть ее на протяжении всех этих лет… Да, тут я не совсем уверена.

— Серьезно? Хм… — ответил я уклончиво, прислонившись спиной к кровати и устремив взгляд в потолок. Затем я почувствовал, как на меня вот-вот снизойдет озарение, отчего я ахнул. Андзу взглянула на меня, немного испугавшись. Да че уж там, если честно, я сам себя напугал.

— Что такое? — спросила она.

— А, э. Ничего, — соврал я. — Не беспокойся об этом…

В это время мой мозг работал на полную катушку. Мне казалось, словно я увидел слабый

проблеск света, идущий со дна бесформенной пустоты.

Думай, Каору.

Я знал, что это должно быть что-то важное. У меня было такое чувство, будто я наконец-то собрал все необходимые кусочки пазла. Мне осталось лишь правильно соединить их между собой, пробуя различные комбинации, пока они не соберутся в целостную картину. Долго поломав голову, я наконец-то пришел к заключению, которое искал: у всего, что мы нашли в Туннеле Урашимы, имеется одна общая черта. Это никогда не было вещами, которые мы желали. Это лишь вещи из прошлого, которые…

До того как я успел закончить мысль, я услышал, как открылась входная дверь. Судя по всему, тетя Андзу вернулась из магазина. Я взглянул на настенные часы и увидел, что уже наступило семь вечера. Я решил, что мне пока что не стоит делиться своей новой гипотезой с Андзу. Во-первых, она все еще не была ничем подтверждена, а во-вторых, Андзу сойдет с ума от бесполезных спекуляций.

— Ну, пора бы мне возвращаться домой, — сказал я, поднимаясь на ноги.

— А… Ну ладно… — сказала Андзу, опустив плечи.

Ух, вот только не делай такого лица. Мне теперь стало стыдно.

— Но нам все-таки следует решить, когда снова встретиться у туннеля, — предложил я. — Есть какие-нибудь идеи насчет того, что нам расследовать дальше?

— Нет, я вообще думала, что пора бы нам прекратить расследования. Просто мне на ум не приходит ничего, что нам было бы действительно необходимо изучить, — сказала она, а затем выпрямила плечи и посмотрела мне прямо в глаза. — Больше никаких пробных забегов. Я думаю, что мы готовы пойти до конца.

— То есть?..

— Настало время вернуть твою сестру и сделать меня кем-то экстраординарным. Мы зайдем в туннель и не выйдем, пока оба наших желания не будут исполнены.

Я сглотнул скопившуюся у меня во рту слюну. Так значит, время наконец-то пришло.

— И когда конкретно ты собираешься пойти?

— Наверное, второго августа.

— Хорошо. Я согласен… А почему именно второго?

— Тут нет особой причины… Просто подумала, что будет умно дать нам несколько дней на подготовку, вот и все.

В этом есть смысл. Нам нужно будет сделать много приготовлений, которые включают в себя не только сбор всего необходимого для похода в туннель, но и подготовку к тому, что может произойти после выхода из туннеля. Мы договорились обсудить детали позже через сообщения, и на этом Андзу проводила меня до прихожей, где я надел ботинки, а затем открыл входную дверь, собираясь выйти.

— Ладно. Что ж, увидимся позже.

— Эй, эм… Тоно-кун?

— Да?

Андзу выглядела так, словно набиралась храбрости что-то мне сказать, но в конце концов так и не решилась.

— …Прости. Не важно. Будь осторожен по пути домой, хорошо?

— Хорошо. Увидимся.

Когда я повернулся, чтобы закрыть за собой дверь, я мельком увидел лицо Андзу. Она выглядела самую малость удрученной, отчего угрызения совести заиграли на струнах моего сердца.

***

До того дня, когда мы собрались отправиться в туннель, оставалась неделя, и, пока я проводил утро, радостно бездельничая в своей комнате, мне на телефон внезапно пришло сообщение от Андзу.

«Кавасаки пригласила меня сходить с ней на фестиваль. Заинтересован?»

Единственный фестиваль в конце июля, на который она может ссылаться, это ежегодный фестиваль фейерверков, проводимый в соседнем городке. Это самое крупное местное мероприятие, на которое приходят тонны людей со всей округи, чтобы посмотреть на огромное шоу, состоящее из более чем шести тысяч фейерверков. Я уже бывал на нем пару раз, когда Карен была все еще жива, но я совершенно забыл, что он проводится именно сегодня. И если быть честным, то у меня не было вообще никакого интереса идти туда. Я не переношу большие

толпы.

Я начал писать Андзу ответ: «Я, наверное, откажусь, но все равно спасибо».

Все, что мне осталось, это нажать на кнопку «отправить», однако мои пальцы застыли на месте. Мои небольшие сомнения были вызваны двумя причинами. Во-первых, то, что Андзу спросила, заинтересован ли я, а не хочу ли я пойти с ними. Возможно, я просто надумываю, но это звучит так, словно у нее нет какого-либо интереса в том, чтобы идти на фестиваль, если туда пойдут лишь она и Кохару, но она примет приглашение, если я соглашусь пойти с ними. Зная, через что Кохару недавно прошла, совесть не позволяла мне просто взять и отказать ей, особенно когда она так старается измениться. Вторая причина, по которой я решил не отправлять сообщение, является отголоском возникшего у меня чувства, когда Шохей спросил, хочу ли я пообедать с ним и парнями из клуба каллиграфии. Вполне вероятно, что это мой последний шанс, так что мне не стоит упускать его.

— Что же мне делать-то… — проворчал я, беспокойно катаясь по кровати. Затем я услышал звук открытия двери в ванную на первом этаже. Это был отец. Я не знал, почему он сидел дома в рабочий день, но что есть, то есть. Возможно, он взял выходной, который должен был получить по случаю какого-то праздника, но так уж сложилось, что тот выпал на конец недели, а может, он взял оплачиваемый выходной. Что бы то ни было, у меня нет никакого желания контактировать с ним.

— …Ну тогда решено.

Я стер сообщение и написал новое: «Да, я не против. Где и когда вы собираетесь встретиться?».

Я отправил сообщение до того, как мне выдался шанс передумать. Нет ничего, что я ненавижу больше, чем иметь дело со своим отцом, так что я решил сходить на фестиваль и хотя бы попытаться хорошо провести время. Однако в таком случае мне нужно прояснить все с отцом, чтобы я мог выйти из дома в любую минуту. Я спустился вниз в гостиную, где увидел отца, усевшегося на напольной подушке и смотрящего какое-то развлекательное телешоу. Я сделал глубокий вдох, а затем окликнул его.

— Эй, пап.

— Хм? Что такое, Каору?

— Я выйду ненадолго погулять.

— А, эм… Понятно. Как поздно ты вернешься?

— Я вернусь домой до полуночи, не беспокойся.

— Ужинать будешь?

— Думаю, я возьму чего-нибудь поесть, пока буду гулять.

— Ну тогда ладно. Веселись.

Я кивнул, а затем пошел обратно в свою комнату.

Нихрена се.

Я поверить не мог, что мы с отцом провели нормальный диалог, который не скатился в спор спустя секунду. Хотя если подумать, то в последние дни большую часть времени он находился в до жути хорошем настроении. Обычно он еле обращает на меня внимание, однако он только что спросил, буду ли я ужинать, и даже пожелал мне повеселиться. Он никогда не говорил мне чего-то даже близкого к этому еще с тех пор, как Карен умерла. Когда я сказал ему перед нашим с Андзу последним походом в Туннель Урашимы, что на выходных останусь у друга, а затем вернулся на день позже обещанного, он и слова об этом не сказал. Может, у него на работе случилось что-то хорошее? Пораздумав секунду над причиной его внезапного изменения в поведении, я решил забить на это. Этому не стоит уделять так много внимания.

***

Как только вечернее небо начало менять цвет со светло-оранжевого на насыщенный алый, я пришел на автобусную остановку, где Андзу предложила нам встретиться. Обычно на этой остановке тяжело встретить даже стариков, но, так как сегодня ночью проходит фестиваль, на остановке стояло довольно много людей, некоторые из которых носили традиционные летние юкаты* и джинбеи*. Вот только Андзу и Кохару среди них не было, что удивило меня, учитывая, что автобус должен приехать где-то через пять минут. Забеспокоившись, я начал оглядываться по сторонам, как вдруг меня внезапно похлопали по плечу. Развернувшись, я увидел Андзу в легком сарафане цвета перванша*.

[П/Р: Юката — летнее повседневное хлопчатобумажное, льняное или пеньковое кимоно без подкладки.]

[П/П: Джинбей — традиционная японская летняя одежда, состоящая из завязанного по бокам топа в стиле кимоно и пары шорт.]

[П/П: Перванш — светло-голубой с розовато-сиреневым оттенком.]

— Привет. Долго ждал? — спросила она.

— Не, только что пришел.

— Супер. Кавасаки еще не появлялась?

— Не-а. Наверное, она опоздает… А может и нет.

В ту же секунду я заметил, как она идет по другой стороне дороги в традиционном фестивальном наряде. Как только Кохару заметила нас, она поспешно перебежала через дорогу по пешеходному переходу, все это время клацая по асфальту деревянными сандалиями. Она выглядела довольно мило в своей светло-розовой юкате, расшитой узором из золотых рыбок, но ее лицо быстро скривилось от отвращения, как только она увидела меня.

— А ты что здесь делаешь, Тоно?

Погодите, Ханаширо что ли не сказала ей, что я пойду с ними?

— Я пригласила его, — объяснила Андзу. — Подумала, что чем больше народу, тем веселее.

— А, вот как? Ну, если Андзу пригласила тебя, тогда, наверное, все в порядке…

— Андзу? — спросил я.

— Она настояла на том, чтобы звать меня по имени, раз мы теперь друзья, — объяснила Андзу, явно не воодушевленная таким развитием событий.

Вот как. Так они теперь обращаются друг к другу по имени. Ну, точнее одна из них. Я улыбнулся.

— Рад видеть, что вы так хорошо ладите.

И я сказал это от чистого сердца. Однако Андзу, кажется, восприняла это как издевку, потому что она сильно ударила меня по плечу. Немного погодя прибыл автобус, и мы втроем сели в него. Он уже был почти полностью забит, но, к счастью, мы смогли найти для Андзу и Кохару два свободных стоящих спинкой к окну сиденья, а мне же пришлось ехать стоя. Автоматические двери закрылись, и двигатель заревел, отправляя автобус в путь на следующую остановку.

— Слушай, как тебе моя юката? — спросила Кохару у Андзу.

— Что думаешь, Тоно-кун? — спросила Андзу, перекинув вопрос мне.

Вот уж спасибо.

— Я, э… д-думаю, что она выглядит весьма неплохо? — сказал я, запинаясь.

— Тогда я склонна согласиться, — объявила Андзу.

— …Вы точно встречаетесь, не так ли? — проворчала Кохару, глядя на меня с подозрением.

Ни Андзу, ни я не стали этого отрицать.

Освещение изменилось, и водитель автобуса резко дал по тормозам, отчего я потерял равновесие. Я бы улетел по салону автобуса, если бы не успел схватиться за поручень, висящий над моей головой.

Фух, это было близко.

Тем не менее Кохару взглянула на меня и покачала головой, неодобрительно вздохнув.

— Боже, что ты вообще нашла в этом неудачнике, Андзу?

— Почему ты называешь его неудачником?

— Типа, не обижайся, но он ничтожество. Почти никакого характера, никаких навыков или чувства юмора, да и не сказать, что он такой уж и привлека…

— Не говори так о нем, — перебила ее Андзу, заговорив холодным и резким тоном.

— Ух… Л-ладно, — дрогнула Кохару, снова переключая внимание на меня. — Тогда что в Андзу зацепило твой глаз, Тоно?

— Чего?! — выпалил я, сбитый с толку.

— Кстати да. Мне тоже весьма интересно, — сказала Андзу.

Теперь они обе смотрели на меня выжидательно. Меня загнали в угол.

— Ну, знаете, это сложно описать словами… К тому же вы меня ставите в довольно неловкое положение…

— Что, тебе совсем ничего не приходит на ум? — сказала Андзу, подавленно нахмурив брови.

Черт.

Теперь я обязан что-то придумать, иначе мне это потом аукнется. Я начал ломать голову, пытаясь придумать самый безопасный и наименее банальный ответ, до которого только мог додуматься за такое короткое время.

— …Ну, если уж выбирать, то, наверное, э…

— Ну же, приятель, — надавила Кохару. — Мы не будем ждать весь день.

— Ее… запах?

Лицо Кохару перекосилось, и она отодвинулась от меня, схватившись обеими руками за плечи, словно пытаясь защититься от незнакомца, от одного взгляда на которого чувства Кохару начинали бить тревогу.

М-да. Мне точно следовало получше выбирать слова.

— Чего?! Фу! Я спросила, что зацепило твой глаз, а не нос, чертов извращенец. Ты это считаешь привлекательным в девчонках? Их запах?! Зашибись, теперь мне хочется принять душ. Ух.

— Н-нет, нет! — я отчаянно замахал руками. — Ты все не так поняла, клянусь! Я не хожу и не разнюхиваю девушек, честно! А с Ханаширо это произошло случайно.

— Да неуже-е-ели? И как же ты так умудрился «случайно» к ней принюхаться? Чем же таким веселым вы занимались в последнее время?

— Ой, даже не начинай. Между нами не было ничего такого… Ну же, Ханаширо. Помоги мне, — взмолился я.

Андзу же не обратила на меня никакого внимания, так как была слишком занята разнюхиванием собственных рук с задумчивым и обеспокоенным выражением лица.

— Я пахну? — пробормотала она себе под нос.

***

Мы соскочили с автобуса и не спеша направились в сторону фестиваля. Тьма уже наступила, и, к счастью для нас, в ночном небе не было ни единого облачка: идеальная погода для шоу фейерверков. Фейерверки будут пускать с другого берега реки, в то время как зрители

останутся на этом берегу, где вдоль набережной были выстроены прилавки с едой и много чем еще. От остановки до фестиваля рукой подать, так что мы могли расслышать веселые возгласы толпы даже посреди шума двигателей стоящих рядом машин. Перейдя через дорогу, мы учуяли приторно-сладкий запах, напоминающий кастеллу*.

[П/П: Кастелла — популярный в японии бисквит.]

— Вы двое хотели заняться на фестивале чем-то конкретным? — спросил я, пока мы брели по тротуару.

Андзу покачала головой.

— Так же, — сказала Кохару. — Но я хочу сходить повылавливать из воды попрыгунчики, перед тем как мы уйдем.

— Да? Мило. Я обожал это делать, когда мне было где-то пять лет.

На секунду Кохару выглядела весьма сбитой с толку, а затем ее лицо моментально покраснело.

— Чт… Н-нет! Это не для меня! Это для моих младших братьев! Они попросили меня принести им попрыгунчик с шипами!

А, точно, я помню такие. У меня был один, пока через неделю в нем не образовалась огромная дыра и он не превратился в бесполезный кусок пластика.

— О, как мило с твоей стороны, — сказал я, улыбаясь. — Знаешь, ты, оказывается, на удивление хорошая старшая сестра, раз ты до сих пор играешь с ними в карты и все такое.

— Эй! Что ты имеешь в виду под «на удивление»? …А, точно, я тут что вспомнила! У тебя есть братья или сестры, Андзу?

— Не-а. Я единственный ребенок.

— Ух ты, круто. Я всегда хотела быть единственным ребенком.

— Правда? Лично я всегда хотела, чтобы у меня был младший брат или сестра.

— Ха-ха, не… Поверь, они только и делают, что доставляют хлопоты. Постоянно надоедают, прося поиграть с ними, или просят сопроводить их, если им захотелось куда-то сходить… И я вообще молчу о том, что вам нужно вместе принимать ванну…

— П-погоди, это правда?

Было приятно видеть, как Андзу ведет нормальную беседу с кем-то, кроме меня. Тяжело поверить, насколько общительной в последнее время стала наша бунтарка. И, пока я шел за ними на небольшом расстоянии, не желая прерывать их оживленный разговор, у меня возникло такое чувство, будто я гордый родитель, чей старший ребенок поступил в университет.

По мере того, как мы приближались к месту назначения, толпы людей становились все теснее и теснее. Здесь также было куда больше прилавков с едой, о чем свидетельствовал витавший в воздухе аппетитный запах жареных блюд и соуса для якисобы. Вскоре я услышал громкое урчание чьего-то живота, сильно напоминающее звуковой эффект из мультиков.

— Ничего себе, Кавасаки… — сказала Андзу, глядя на нее дразняще-осуждающим взглядом.

— О, не-не-не! Не ври! Это была ты, а не я! — сказала Кохару, угрюмо уперев руки в бока и громко хмыкнув.

Ничего себе. Ханаширо только что попыталась переложить вину на Кавасаки? Она что, в начальной школе учится?

Даже находясь вдалеке, я мог с уверенностью сказать, что заурчал живот именно у Андзу.

— Если ты голодна, то мы можем взять чего-нибудь поесть, — предложила Кохару. — У нас все еще полно времени до начала шоу фейерверков.

Я проверил телефон. Сейчас было семь вечера, и до начала представления оставался еще час. Мы решили не торопиться и попробовать разную еду, пока гуляли по набережной. Пройдя мимо нескольких прилавков, Андзу остановилась перед одним из них, с любопытством и благоговением глядя на выставленного напоказ жареного кальмара.

— Ух ты, это же, типа… целый кальмар, которого обжарили и проткнули палочкой?..

— Да, Ханаширо… Поэтому они и называются жареными кальмарами на палочке. Так, погоди… Ты серьезно никогда их не видела? — спросил я, на что она кивнула.

— Ну, я видела их несколько раз по телевизору, но я никогда не бывала на фестивале, так что…

— Да ну, серьезно?

Полагаю, что в Токио проводится не так много фестивалей в традиционном стиле. Либо же ей просто было не с кем сходить, пока она была маленькой.

— Ты уже пробовал их? — спросила она. — Они вкусные?

— Ага, они великолепны. Почему бы тебе не купить один и не попробовать самой?

— Ух. Звучит заманчиво, но мне также очень хочется такояки*… — простонала она, явно разрываясь между такояки и кальмаром.

[П/П: Такояки — обжаренные шарики из жидкого теста с начинкой из отварного осьминога и других ингредиентов, таких как зеленый лук, имбирь и т.п.]

— Тогда почему бы нам не взять и то, и другое? — присоединилась к разговору Кохару. — Прилавок с такояки совсем рядом. Я тоже проголодалась, так что с радостью пойду займу очередь.

— Правда? Не могла бы ты тогда купить и нам тоже?

— Конечно!

Андзу дала ей немного денег, и Кохару направилась к прилавку с такояки, клацая деревянными сандалиями. А Андзу тем временем заказала жареного кальмара у старика, заведующего прилавком. Когда мой нос уловил дразнящий запах вустерширского соуса*, мне тоже захотелось чего-нибудь перекусить, и я вспомнил о прилавке с якисобой, мимо которого мы только что прошли.

[П/П: Вустерширский, или вустерский соус — кисло-сладкий, слегка пикантный ферментированный английский соус, приготавливаемый на основе уксуса, сахара и рыбы.]

— Эй, я пойду быстренько куплю себе немного якисобы.

— Хорошо. Если Кавасаки вернется раньше, то мы будем ждать тебя в палатке-столовой.

— Понял.

Я развернулся и пошел обратно. К счастью, там не было длинной очереди, так что я смог довольно быстро взять себе якисобу. Обошлась она мне в четыреста йен. Когда я вернулся, Андзу уже ушла от прилавка с жареными кальмарами, так что я посмотрел в сторону палатки-столовой, где, как и ожидалось, я увидел Андзу и Кохару, уже начавших есть. Я добрался туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как Андзу пытается откусить от кальмара огромный кусок. Кажется, он ей очень понравился. Я осмотрелся вокруг, пытаясь найти свободное место, но палатка была достаточно маленьким и тесным местом, расположенным между двумя

прилавками с едой, и здесь находилось лишь три двухместные скамьи, каждая из которых уже была занята. Смирившись, что мне придется есть стоя, я решил приняться за якисобу, как вдруг Андзу остановила меня.

— Подожди минуту. Кавасаки, ты не могла бы немного подвинуться в сторону?

— Да, так сойдет?

— Отлично, спасибо. Присаживайся, Тоно-кун, — Андзу похлопала по свободному месту рядом с собой, шириной не более тридцати сантиметров. Я поблагодарил ее за учтивость и присел. Не сказать, что было удобно, но всяко лучше, чем есть стоя, и я был благодарен за это. Хотя факт того, что наши плечи постоянно терлись друг о друга, заставил меня немного нервничать.

Я открыл пластиковый контейнер, в котором находилась якисоба, а затем начал есть ее палочками, проглатывая толстую лапшу одну за другой. Она полностью пропиталась соусом, из-за чего для некоторых эта якисоба может показаться чересчур насыщенной, но мне понравилось.

— Эй, Тоно-кун! — Андзу похлопала меня по плечу. Я повернулся и увидел, как она с большой улыбкой выставила передо мной шарик такояки на зубочистке. — Открывай рот!

— Э, нет, спасибо. Обойдусь…

Кохару сразу же взглянула на меня свирепым взглядом из-за плеча Андзу, как бы говоря: «Съешь этот чертов такояки, а не то…» Боясь за свою жизнь, я поддался давлению и раскрыл рот, после чего она засунула в него такояки.

— Боже! — вскрикнул я с полным ртом. — Хорящо! Хорящохорящохорящо!

Девчонки тут же рассмеялись. Ну хоть кто-то смог посмеяться за счет моего обожженного языка. Я отчаянно пытался покатать такояки у себя во рту, как горячую картошку, страдая после каждого болезненного укуса, пока в итоге не проглотил этот шар лавы целиком. У меня такое чувство, будто кончик моего языка начал кровоточить.

— Прости, я не могла удержаться, — сказала Андзу, наконец-то успокоившись после долгого хохотания. — Если что, это была идея Кавасаки!

— Эй, большинство парней убить готовы за то, чтобы их покормила такая красивая девушка, как ты! А ты наслаждайся каждым кусочком! — усмехнулась Кохару.

Я мало чем мог насладиться, учитывая, насколько обжигающим был этот такояки, но все равно кивнул. Я продолжил молча поедать якисобу, и, когда я съел где-то половину, Андзу встала и предложила сходить за напитками.

— Хочешь, чтобы я сходила с тобой? — спросила Кохару.

— Нет, это будет лишним. Если мы пойдем вдвоем, то можем потерять место. Я схожу одна.

— Ты уверена? Ну тогда ладно. Я буду Черио Колу. Или любую другую колу, если этой не будет.

— Мне бутылочку Лайфгарда*, если есть, — добавил я. — А если нет, то мне то же, что и ей.

[П/П: Лайфгард — японский энергетик, производимый той же компанией, что производит Черио Колу.]

— Поняла. Скоро вернусь, — Андзу развернулась и вышла из палатки.

— Она сильно изменилась… — сказала Кохару, как только Андзу ушла.

— Это точно… — кивнул я, в кои-то веки согласившись с ней. Да че уж там, впервые в жизни. — Но я бы сказал, что ты изменилась настолько же сильно, если не сильнее. Просто ты теперь словно совершенно другой человек.

— Да… Знаю. Поверь, ты не первый, кто это заметил. Многое изменилось с тех пор, как здесь появилась Андзу, — размышляла Кохару вслух.

Она была права, хотя мне все равно кажется, что изменение в ее характере безусловно является самым большим потрясением, вызванным переводом Андзу в нашу школу. Нам еще предстоит узнать, станет ли Кохару и правда счастливее со своим новым «я», но, по крайней мере, она сильно повзрослела за весьма короткий промежуток времени. Будь я на ее месте, я бы точно предпочел, чтобы люди считали меня добрым человеком, нежели устрашающим.

— …Знаешь, я ей очень благодарна. Надеюсь, что когда-нибудь смогу вернуть ей должок.

Пока я смотрел на Кохару, устремившую взгляд на крышу палатки с благоговейным восхищением в глазах, мою грудь сжало от меланхолии, которую я сразу же попытался заесть оставшейся якисобой.

Немногим позже Андзу наконец-то вернулась в палатку, после чего мы втроем насладились своими напитками за небольшим разговором. Как только в наших желудках освободилось немного места, мы купили кастеллу и разделили ее на три части. Совершенно забыв о предстоящем шоу, мы вспомнили о нем как только услышали свист первого фейерверка, взмывшего в небо.

— Вот блин, — сказала Кохару. — Вся набережная уже, наверное, забита. Нам надо спешить, или мы никогда не найдем свободного места.

Мы запихали остатки торта в рот и запили его газировкой, а оставшийся мусор выбросили по пути на набережную. Как Кохару и предполагала, вся набережная была забита толпами людей. Не то чтобы там вообще не протолкнуться, но весь склон был покрыт синими брезентами, на которых сидели семьи и группы друзей. Мы протискивались сквозь толпы людей, ища, где бы сесть, пока наконец-то не нашли небольшое свободное место, которого как раз хватит на троих. Кохару достала из сумки клетчатый брезент для пикника и расстелила его на голой земле. Он явно предназначался только для двоих, но мы с легкостью смогли уместиться на нем втроем.

Устроившись поудобнее, я с нетерпением устремил взгляд на ночное небо, готовый наконец-то увидеть фейерверки. Вскоре раздался громоподобный грохот, за которым последовали настолько интенсивные реверберации, что их, вполне вероятно, можно использовать вместо дефибриллятора. Затем последовали треск и вспышка света, а сверкающие следы опускающегося пороха окрасили ночное небо во все цвета радуги, словно это какой-то сон. Яркая звездная вспышка выжгла свою триумфальную форму в наших глазах, а затем лениво улетела вниз, прежде чем полностью раствориться в темноте. За ней последовала еще одна, и еще одна, каждая из которых расплескивала новую палитру цветов на черном холсте.

— Как красиво… — услышал я из-за спины шепот Андзу.

Еще одна ракета со свистом взмыла в небо, и лишь только после долгой паузы она наконец взорвалась мерцающими дорожками из дыма, напоминающими крохотных рыбок, отчаянно плывущих против течения. Толпа охала и ахала, когда золотые ветви начали двигаться зигзагами, принимая форму плакучей ивы. Затем последовал огромный яркий распустившийся цветок, к которому присоединились десятки цветов поменьше. На смену им пришли классические двухцветные пионы, чьи меняющие цвет пестики разлетелись во все стороны, словно пчелы из улья, прежде чем потускнеть и низвергнуться водопадом. Следующим последовало множественно маленьких и неистовых фейерверков.

Что-то мягкое дотронулось до моего мизинца. Андзу положила свою руку рядом с моей. Обычно только этого было бы достаточно, чтобы заставить мое сердце колотиться с неимоверной скоростью, а меня сильно нервничать, однако сейчас по какой-то причине я был абсолютно спокоен. Я провел ладонью по брезенту, чтобы взять ее за руку, и наши пальцы с легкостью переплелись. И хотя поначалу наши руки были весьма холодными, но мы быстро смогли согреться, обмениваясь теплом.

Затем последовал финал представления, во время которого самый большой фейерверк осветил ночное небо яркими красками, бросая на наши лица мягкий и постоянно меняющий оттенок свет. Все это напоминало сказочный рисунок, взятый прямиком из конца книги рассказов.

***

— Фух! Как же это было красиво! — потягивалась Кохару, пока мы бродили по набережной. Теперь, когда главное событие подошло к концу, мы были готовы пойти по домам. Толпы людей немного поредели, хотя у прилавков с едой и аттракционами все еще стояли немалые очереди. Продавцы выкрикивали свои предложения, пытаясь заманить несколько последних покупателей, пока посетители покидали территорию фестиваля.

— Простите! Я бы хотела сыграть! — крикнула Кохару, протягивая двести йен мужчине за прилавком, в котором можно повылавливать попрыгунчики из воды. Он взял деньги и положил ей в руки маленький бумажный сачок. Она села на корточки рядом с небольшим бассейном с водой, закатывая рукава и готовясь по-быстрому выловить несколько попрыгунчиков. — Что ж, посмотрим, смогу ли я в этом году выловить сотню за одну попытку!

— А это возможно? — спросила Андзу, выглядя искренне озадаченной.

— Вполне. Я в этом про. Никто не смог одолеть меня и выловить больше попрыгунчиков, чем я, еще с начальной школы!

«Я думал, ты поклялась, что делаешь это только ради того, чтобы получить сувенир для своих братьев», — хотел я сказать, но удержал язык за зубами.

— Хм… Лично я никогда в это не играла, — сказала Андзу.

— Погоди, серьезно? Тогда почему бы нам не сыграть вместе?! Простите! Можно нам еще один сачок? …Так, а теперь смотри внимательно, тут есть одна хитрость. Перед тем как начать, тебе нужно окунуть бумагу в воду, так как это…

Пока Кохару раззадоривала Андзу повылавливать попрыгунчики, я массировал веки большим и указательным пальцами. Из-за того, что я так долго смотрел на те яркие фейерверки, у меня разболелись голова и глаза. Наверное, будет хорошей идеей пойти домой и по возвращении сразу же лечь в кровать, как только они закончат со своей детской игрой. Потерев внутренние уголки глаз и глубоко вздохнув, устремил взгляд к небу. Вдруг краем глаза я заметил, как мимо меня прошла женщина.

Следует уточнить, что все, что она сделала, это просто прошла мимо меня. И тем не менее по какой-то причине она вызывала во мне чувство сильной тревоги.

Я повернулся в ее сторону, когда она начала отдаляться от меня. Она носила юкату, а ее волосы были заплетены в пучок. Это все, что я мог сказать о ней, глядя на нее со спины. Я не мог определить даже ее возраст. Однако по какой-то необъяснимой причине мне ударило в голову, что я должен взглянуть на нее получше. Не успел я опомниться, как побежал за ней так быстро, как только мог, чтобы не потерять ее в толпе. И чем больше я сокращал дистанцию между нами, тем более ясную и различимую форму принимали эти странные эмоции внутри меня.

Преданность… Привязанность… Дежавю… Ностальгия?

Когда женщина остановилась поговорить со стоящим рядом с ней мужчиной сорока с чем-то лет, я наконец-то смог взглянуть на ее лицо.

— Что…

Я потер глаза и взглянул снова.

Это была моя мать. Женщина, которая бросила нас пять лет назад. Но почему? Почему она здесь? Нет, возможно, это неверный вопрос. В конце концов, она ведь не умерла. В один день она просто проснулась и решила без оглядки уйти из моей жизни. Даже документами о разводе занималась не она сама, а ее родители. Тем не менее я, очевидно, должен был понимать, что всегда существовала вероятность того, что я где-то на нее наткнусь.

Но что более важно, кто этот мужчина рядом с ней? Кажется, им вместе достаточно весело. Моя мать смеялась. Хорошо проводя время. В общем, была довольна.

А что насчет меня? Что делать мне?.. Нет, это очевидно. Я не буду ничего говорить, притворюсь, что никогда не видел ее, пойду домой и забуду об этом. Это будет правильным решением. Моя мать сделала выбор, и я больше не в праве посягать на ее счастье.

Но действительно ли я не буду жалеть о том, что просто возьму и уйду, не попытавшись узнать ответа ни на один из вопросов, с которыми она меня оставила? Например, почему она бросила нас, и было ли это моей виной, и любила ли она меня в прин…

Как вдруг она повернулась ко мне.

Затем наши глаза встретились, и на мгновение время застыло.

Шум фестиваля утих.

Все вокруг замедлилось.

Ни я, ни она не шевелили даже кончиком пальца.

Мы просто стояли, смотря друг на друга.

Она знала, кто я. А я знал, кто она.

Эти несколько мимолетных секунд, казалось, длились вечность.

А затем все закончилось, и в ту же секунду ее лицо исказилось в ужасе.

Один из уголков ее рта дрогнул от отвращения, а губы задрожали, словно из нее вот-вот вырвется крик о помощи. Она напоминала пленника, которого бросили в подземелье и закрыли

в клетке с бешеным, кровожадным монстром. Эта реакция сказала мне куда больше, чем можно передать словами. В ее глазах я, скорее всего, выгляжу как какой-то отвратительный выродок, как воплощение ее травмы, которую она пыталась забыть на протяжении последних пяти лет.

Мой мозг послал сигнал тревоги в каждый нерв, говоря им уносить меня отсюда как можно скорее. Поэтому я развернулся и попытался уйти, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие.

Я не знаю, чего я ожидал. Что она извинится за то, что бросила нас? Скажет мне, что это не моя вина и что она не ненавидит меня? Нет, я знал, что мне не стоит питать подобных надежд. Однако почему-то у меня все еще было такое чувство, будто меня жестоко предали. Мои ноги задрожали. Голова закружилась так сильно, что мне показалось, будто в любой момент я могу потерять сознание. Пока я шел, пошатываясь, я врезался в несколько людей, идущих в противоположном направлении, и некоторые из них накричали на меня. Если честно, я прекрасно видел, куда иду. Просто мой мозг не обрабатывал никакой информации, поступающей от органов чувств.

— Тоно-кун?

Внезапно передо мной появилась Андзу.

— Что случилось? Почему ты убежал?.. Погоди. Почему ты такой бледный? Ты в порядке?

— Ханаширо… — пробормотал я, подойдя к ней тяжелыми, медленными шагами. А затем обнял ее.

— Т-Тоно-кун?!

Я крепко держал ее в своих объятиях, изо всех сил прижимая ее нежное тело к себе, и положив подбородок ей на плечо. Я не мог объяснить причину. Я просто должен был это сделать. Я знал, что если не ухвачусь за что-то, не найду себе какую-то опору, то меня затянет в водоворот эмоций, грозящий поглотить меня полностью. Вода все поднималась, и я нуждался в Андзу больше, чем когда-либо. Поэтому я держался за нее, чтобы меня не затянуло на дно.

Сначала тело Андзу напряглось от удивления. Затем я почувствовал, как ее мышцы начали понемногу расслабляться, после чего она пустила меня в свой мир. Мы простояли так достаточно долго: она обнимала меня, а я укрывался от бури в ее объятиях, моем единственном источнике тепла в вакууме космоса.

Я не знаю, сколько это длилось. Может, пять секунд, а может, целую минуту. Однако, когда я успокоился достаточно, чтобы стоять на своих двоих, я отдернулся… и увидел, что ее щеки стали ярко-розовыми, отчего я сам покраснел. О чем я, черт возьми, думал, творя такое в публичном месте? Люди вокруг нас, вероятно, подумали, что я какой-то влюбленный

мальчишка, которого увлекли муки страсти.

— П-прости, я просто… Не знаю, что на меня нашло… — сказал я, запинаясь.

— Ты в порядке? — спросила Андзу голосом, полным искреннего беспокойства.

Теперь, когда ситуация немного успокоилась, смущение исчезло, и на его место пришли новообретенные чувства надежности и привязанности. Словно в этом мире все-таки есть место для меня. Словно все будет в порядке, пока Андзу остается рядом со мной.

— …Да, теперь я в порядке. Пойдем, Кавасаки уже, наверное, заждалась.

— Ты уверен, что все в порядке?..

— Агась. В полном, благодаря тебе. Я тебе должен.

Пока мы шли к тому месту, где нас ждала Кохару, я молча попрощался со своей матерью. Я знал, что наши пути, скорее всего, больше никогда не пересекутся.

***

Автобус, на котором мы ехали обратно домой, был почти пуст. Мы заняли места в самом конце салона. Я сидел у окна и смотрел на ночной пейзаж, отвечая лишь «да» или «нет» на попытки Андзу и Кохару завязать со мной разговор. Я бы с радостью просто лег в кровать, и не только потому, что у меня болели глаза. Вообще, я вымотался, скорее, психически, нежели физически.

Размышляя о той несчастной встрече, я осознал, что я и правда ожидал от своей матери нечто большее. Возможно, где-то в глубине души я всегда надеялся, что она вернется к нам, как только оправится от травмы, вызванной смертью Карен. Я знал, что это довольно глупое заблуждение, но это объясняло, почему я почувствовал себя таким подавленным.

Когда мать ушла из дома, я сразу же понял, что она уже никогда не вернется, и думал, что смирился с этим. Однако одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы вновь зажечь во мне ложную надежду. Кажется, правду говорят, что тяжелее всего оборвать именно кровные узы. Возможно, именно связывающая нас кровь свела нас вместе, словно какая-то невидимая нить судьбы. Мне хотелось, чтобы так оно и было, потому что это давало мне новую надежду на то, что, возможно, однажды я смогу воссоединиться с Карен, так как связь между нами гораздо, гораздо сильнее.

…Нет. Это не просто «возможно». Я обязательно увижусь с Карен снова. И достаточно скоро. Я собираюсь отправиться вглубь Туннеля Урашимы перед тем, как наступит конец летних каникул, и я не поверну назад, пока не найду и не верну ее. Это моя цель, моя обязанность, как

ее старшего брата.

***

Попрощавшись с Андзу и Кохару на станции, я проехал оставшийся путь до дома на такси, что заняло около десяти минут. Зайдя в дом, я увидел в прихожей незнакомую мне пару белых туфель с высоким каблуком. Судя по всему, отец принимает гостя, что само по себе уже весьма необычно, но чтобы это была еще и женщина? Вот такое я точно вижу впервые. Я прокрался по коридору, стараясь не потревожить их, но затем дверь в гостиную открылась, и оттуда выглянул мой отец.

— А, вот и ты, Каору! Я все гадал, когда же ты вернешься! — сказал он, улыбаясь. Его лицо было таким красным и расслабленным, что я мигом понял, что он пьян. В последнее время он довольно часто возвращался домой в подобном состоянии, однако сегодня он выглядит совсем плохо. — Ну же, не стой на месте! Заходи и поздоровайся!

— Э… Ладно.

Я сделал, как мне велели, и зашел в гостиную, где сразу же встретился взглядом с женщиной, вежливо сидящей на татами. Опрятная молоденькая девушка, выглядящая примерно на двадцать пять лет. Ее бледноватая кожа имеет неестественный блеск. Она вежливо поприветствовала меня, на что я ответил тем же. Взглянув на стол, я заметил огромную тарелку суши и ряд больших бутылок пива. Половина суши уже была съедена, а также они выпили две бутылки пива.

— Ну давай! Присаживайся! — сказал отец.

— Чего?

— Говорю, присаживайся, мой мальчик. Расслабься хоть разок.

Отец схватил меня за плечи и практически силой усадил меня на колени. Он ясно дал мне понять, что мое мнение тут не учитывается, однако все случилось настолько внезапно, что я в принципе не успел осознать, что здесь происходит. Отец сел рядом со мной и с огромной улыбкой обнял меня за плечи одной рукой. От него разило алкоголем.

— Это мой сын, Каору, — сказал он. — Он учится во втором классе в старшей школе Козаки.

— О-о-о. Он выглядит очень воспитанным мальчиком, — улыбнулась женщина.

— О, это да. Он готовит, стирает — да что угодно. Единственное, что он не может, так это отправить своему старику сообщение, когда решает пропасть куда-то, ха-ха-ха! — расхохотался он от души. — Да ладно, я же шучу, Каору. Эй, ты не голоден? Можешь взять суши, если

хочешь! Налетай, сын.

— Нет, спасибо, я не голоден…

— Вот какой. Никогда много не ел. Хотя я на этом хорошо экономлю, так что понятия не имею, чего я вообще жалуюсь, ха-ха-ха!

Я просто сидел, ничего не говоря. Его слова, тон голоса, манеры, выражения лица — все было настолько очевидно. Он просто притворяется хорошим отцом. Словно он пришел на маскарад. Почему он так старается создать иллюзию того, что у нас с ним хорошие отношения? Почему он настаивал на том, чтобы я присоединился к ним? И вообще, кто эта женщина? Она явно гораздо моложе моего отца, так почему же они общаются так откровенно? Она дальний родственник? Коллега? Друг? Моя голова была забита тонной вопросов, ни на один из которых я не знал ответа.

— Боже, где мои манеры? Забыл вас представить! — отец убрал руку с моих плеч. — Сын, хочу познакомить тебя с твоей новой мамой.

…Э? Моей «новой мамой»?

— Я уже давно хотел тебе рассказать, но был слишком занят на работе. Я хотел дождаться правильного момента, понимаешь? В общем, да. Прости, если это слишком внезапно, но такие вот дела!

Что ты имеешь в виду под «такие вот дела»?

— Видишь ли, мы с ней познакомились на работе достаточно давно, но общаться мы начали только где-то месяц назад, когда… и вот, мы пообедали несколько раз, и… она уже однажды была за мужем, так что… а когда ты сбежал из дома, она… эмоциональную поддержку, и…

Я еле понимал, что он говорил. Моя голова начала бешено кружиться. Меня тошнило. Что это за хрень? Так еще и в тот же день, когда мне не посчастливилось встретиться со своей матерью? Вы серьезно?

Однако они продолжали весело болтать, совершенно не замечая отсутствие у меня какого-либо энтузиазма.

— Ну да ладно! Давай поднимем тост!

— Разве твой доктор не сказал, что тебе не стоит так много пить?

— О, да ничего страшного! Сегодня особый случай!

— Не думаю, что он примет такую отмазку…

— Хватит уже беспокоиться и выпей со мной!

— Что ж я буду с тобой делать…

— Боже, нам надо будет как-нибудь сходить поесть настоящие морепродукты.

— Да, наверное, когда на работе станет поспокойнее.

— Да я уверен, что все наладится

— Мне бы хотелось слетать за море.

— Я уже говорил, что коплю на новую машину?

— У нас будет полно времени, когда выйдем на пенсию.

— Было бы неплохо найти какие-нибудь новые хобби.

— Купить где-нибудь хорошенький частный домик.

Мой старый капризный отец и женщина, которую он намеревался сделать моей новой матерью, продолжали рисовать свою идиллическую жизнь. Я уже мог с уверенностью сказать, что для меня на их картине места не было. В конце концов, единственный способ стать частью семьи — это быть рожденным в ней, и, следовательно, иметь с ней кровную связь, либо полюбить кого-то настолько сильно, что тебе захочется завести с этим человеком новую семью. У меня же не было ни любви, ни кровной связи ни с одним из них, так при чем же, черт возьми, здесь я?

— А, точно, что б ты знал, Каору, в не таком далеком будущем мы переедем отсюда.

— …Погоди, что?

— Я уже нашел новую работу, — радостно объяснял мне отец, совершенно игнорируя явное недовольство на моем лице. — Мы уедем из Козаки и переедем в хорошую квартиру. Конечно, она будет потеснее в сравнении с этим домом, но жить там будет гораздо удобнее, это я тебе обещаю.

Сидящая напротив нас женщина кивнула с энтузиазмом, подтверждая его слова.

— А, и не волнуйся насчет учебы. Мы продадим этот дом за неплохие деньги. Так мы сможем оплатить тебе учебу в любом колледже или техникуме, в какой ты захочешь поступить. Мы даже сможем накопить достаточно денег, чтобы снять тебе отдельную квартиру, если ты захочешь учиться где-то вдалеке. Мы втроем сможем начать новую жизнь в новом городе, в новом доме.

Новую жизнь.

— Разве это не потрясающе, сын? Новая жизнь ждет нас прямо за углом.

Мне показалось, будто у меня в голове лопнул сосуд. Поры на моем лице расширились, а взгляд затуманился красной дымкой.

Отвали, старик. Что насчет Карен, а? Просто оставишь ее в прошлом? Просто продолжишь жить свою жизнь припеваючи и забудешь о своем единственном кровном ребенке? Меня тошнит от тебя. Как ты смеешь не проводить каждый божий час горюя и сожалея о том, что с ней случилось? Как ты смеешь не думать о ней каждую минуту? Если мы перестанем вспоминать о ней, то получится так, словно ее в принципе никогда не существовало. Разве ты этого не понимаешь, тупой ты мудила?

Мне хотелось схватить одну из пустых бутылок из-под пива и разбить о его голову. Мне хотелось перевернуть стол и пробить дыру в двери. Мне хотелось поддаться бушующей внутри меня ярости. Но все, что я мог, это сжать кулаки и стиснуть зубы. Я не знал, как выплеснуть эти эмоции, поэтому злость внутри меня могла лишь копиться, пока я не сорвусь. Затем ненависть к моему отцу превратилась в чувство разочарованности в себе, и в конечном итоге я больше не смог сдерживаться, и из моих глаз потекли слезы.

— Эй, ты чего… Каору?.. Ты плачешь? — обеспокоенно сказал мой отец, глядя на мое опущенное лицо.

Не смотри на меня, ты, кусок дерьма.

— Что такое? Ты плохо себя чувствуешь? — спросила женщина.

Не вмешивайся, чертова разлучница.

— …А, я понял, что происходит, — отец положил руку мне на плечо.

Я сказал: не трогай меня.

— Не беспокойся, Каору. Я понимаю, что у тебя много сомнений по этому поводу. Это довольно большие изменения. Но я знаю, что мы справимся, если будем работать вместе. Можешь ли ты сделать это для меня, сын?

Когда я взглянул на его улыбающееся лицо, полное новообретенных надежды и стремлений, я наконец-то все понял. Мой отец твердо решил притворяться, словно ничего не произошло. Ни смерти Карен, ни ухода матери, ни его ужасного отношения ко мне: он пытался оставить весь этот эмоциональный багаж в прошлом, чтобы жить припеваючи со своей блестящей новенькой женушкой. Прямо как моя мать, если судить по появившемуся на ее лице страху при виде меня. В этом смысле они идеально подходили друг другу. Какая жалость, что они уже разведены.

Внезапно вся кипящая в моей голове ярость стала ледяной, и по моей спине пробежал холодок. Секундой позже у меня свело живот.

А затем меня вырвало. Прямо на стол.

Женщина взвизгнула, когда потоки светло-коричневой рвоты и полупереваренной еды хлынули на татами. Даже когда я выблевал каждый кусочек якисобы и кастеллы, что я съел на фестивале, в моем рту все еще оставался привкус смешанного с желчью Лайфгарда, пока я продолжал изрыгать содержимое своего желудка до последней капли.

— Э-эй! Какого черта ты творишь?! — крикнул отец, а затем толкнул меня на пол, забыв о разыгрываемой им роли любящего родителя. Как только мой желудок опустел и меня перестало рвать, я встал и, не убираясь, выбежал из гостиной, поднялся по лестнице и закрылся в своей комнате. Наконец-то находясь в безопасности своей комнаты, я вытер рот обильным числом салфеток, а затем забрался в постель и с головой зарылся под одеяло. Только так я мог успокоиться, даже если это означало перегреться в замкнутом пространстве, пахнущим моим желчным дыханием.

И я не мог ничего с этим поделать. Находиться там, внизу, было слишком тошнотворно. Глупое, самодовольное выражение лица моего отца, мечтательно болтающего о нашем будущем, и то, как эта женщина вслушивалась в его каждое гребаное слово, словно он какой-то чарующий оратор, открывающий нам поистине проницательную мудрость, — все это мерзко, извращенно и отвратительно, как на это ни посмотри. Пробудь я там еще хоть секунду, и я сделал бы что-то, о чем бы потом пожалел. Да че уж там, я начинаю злиться, просто думая об этом.

Пока я продолжал глотать слюну в тщетной попытке избавиться от жгучей желудочной кислоты в горле, в моем кармане завибрировал телефон. Подумав, что это сообщение от отца, говорящего мне спуститься вниз, я закатил глаза и достал телефон, чтобы взглянуть на написанный им бред. Однако, как оказалось, это было сообщение от Андзу.

«Спасибо, что сходил с нами. Я очень хорошо провела время».

Это все, что она написала. Однако забавно то, что это сообщение подавило моих внутренних демонов и успокоило душу. Она и правда была моим единственным лучом света в этом мире. Я точно не смог бы удержать себя в руках после случившегося на фестивале, если бы она не поддержала меня. Никогда в своей жизни я не позволял себе полагаться на кого-то. По

крайней мере, не до такой степени, чтобы обнять их. Только Андзу видела меня в таком уязвимом состоянии, и я не могу выразить словами, насколько я благодарен ей за то, что она приняла такого ущербного неудачника, как я. Мое уважение к ней возобновилось после сегодняшнего вечера, а рядом с ним зародилась новая странная эмоция, напоминающая притяжение магнита, которой я не мог сопротивляться. Андзу стала незаменимой частью моего мира.

Я ответил на ее сообщение простым «Я тоже», а затем погрузился в глубокий сон, все еще сжимая телефон в руке.

***

Наступило первое августа, и до нашей последней экспедиции в Туннель Урашимы остался один день. Сейчас было десять утра, и цикады стрекотали в полную силу. Я сидел за столом и писал отцу записку, содержание которой в итоге сводилось к следующему: «Эй, я убегаю из дома и, наверное, не вернусь». Я пишу это письмо по большей части для того, чтобы отец не подключал к моим поискам полицию, подумав, что я был убит или похищен. Четко дав ему заранее знать, что со мной случилось, полиция не станет отправлять на мои поиски целый поисковый отряд. По крайней мере, так сказала Андзу.

Больше всего я беспокоюсь о том, что они найдут какую-то зацепку, которая приведет их к Туннелю Урашимы, после чего они зайдут внутрь, пока будут искать нас, и я понятия не имею, какие у этого могут быть последствия. В худшем случае нас поймают еще до того, как наши желания будут исполнены, либо запечатают вход, заперев нас внутри. И это то, чего мне хотелось бы избежать всеми силами.

Конечно, такое возможно только в том случае, если отец успешно привлечет к этому делу поисковый отряд, что было весьма маловероятно, так что я особо не беспокоился. Я знал, что отец не будет прилагать к моим поискам слишком много усилий, и из того, что я слышал о родителях Андзу, я могу с уверенностью сказать, что с ней будет так же. Отец все еще очень зол на меня из-за того, что меня вырвало на пол в гостиной в ночь фестиваля. Он не спросил, как я себя чувствую, а также полностью игнорирует меня, когда я захожу с ним в одну комнату или прихожу домой. Но время от времени он все-таки бросает на меня озлобленный взгляд. По большому счету он относится ко мне как к прокаженному, как к преграде, стоящей между ним и его идеальной новой жизнью. И скоро я навсегда уйду от него, так что, надеюсь, он сможет потерпеть еще немного.

— …Так, готово.

Закончив писать записку, я еще раз пробежался по списку вещей, которые планирую взять с собой в Туннель Урашимы, разложив все на полу: фонарик, наручные часы, кошелек, четыре пачки энергетических батончиков и термос на два с половиной литра для питьевой воды. Я засунул все в большой походный рюкзак, а затем надел его, чтобы проверить вес. На удивление, он был примерно в два раза легче, чем мой портфель, набитый учебниками. Даже если я наполню термос водой, рюкзак все еще будет чертовски легким. План состоит в том, чтобы безостановочно идти, не бежать, на протяжении всего пути, когда мы пройдем через

врата тории, поэтому нам нужно быть максимально налегке. И конечно же, это идея Андзу. У меня такое ощущение, что я никчемный напарник, так как именно она постоянно предлагает хорошие идеи, но это лишь показывает ее интеллект. И если ее идеи повысят шансы успеха нашей экспедиции, то с моей стороны будет глупо не воспользоваться ими.

Уже совсем скоро я воссоединюсь с Карен. Мы планировали провести весь сегодняшний день за отдыхом и подготовкой к большому дню. Но только я залез в кровать с томиком манги в руках, как вдруг услышал, как у меня зазвонил телефон. И это не просто сообщение, это самый что ни на есть звонок, так еще и от Андзу.

— Алло? — ответил я.

— Эй, Тоно-кун? Прости, что звоню так внезапно.

— Да не волнуйся об этом. Что случилось?

— Ты сейчас занят? Мы можем встретиться и немного поговорить?

— Да, без проблем. Где? У туннеля?

— Желательно в другом месте… Мне бы хотелось посидеть в помещении, если возможно.

Я взглянул на часы.

— Тогда как насчет кафе? Если мы немного подождем, то можно будет заодно пообедать.

— Хорошо. А в каком кафе?

— Которое рядом со школой. Почему бы нам не встретиться у главного входа где-то около полудня?

— Поняла. Тогда увидимся в полдень.

— Хорошо. Пока.

Конец звонка.

Интересно, о чем же она хочет поговорить? Может, она захотела провести еще одну встречу перед экспедицией. Дать нам последнюю возможность все обсудить лицом к лицу, так как всю последнюю неделю мы общались только через сообщения. Ну, скоро узнаем.

***

Жаркое солнце безжалостно нагревает асфальт, обжигая мои стопы сквозь резиновую подошву. Внезапно на меня подул влажный океанский бриз, лаская мои щеки. Я ждал Андзу, стоя перед входом на территорию школы, и, хотя до назначенного времени оставалось еще целых полчаса, но я уже чувствовал себя так, словно нахожусь бане. К сожалению, у меня не было иного выбора. Поедь я на следующем поезде, я бы пришел сюда куда позже полудня. Это одна из многих вещей, которые я ненавижу в захолустной жизни. Спустя где-то десять минут к школе подъехал автобус, и из него вышла Андзу. Я помахал ей, после чего она подбежала ко мне.

— Ты довольно рано. Надеюсь, я не заставила долго ждать, — сказала она слегка извиняющимся тоном.

— Не, я сам только пришел.

— А, хорошо. Тогда пойдем?

Я кивнул, и мы направились по главной улице в сторону кафе, идя по тротуару плечом к плечу. С высоты птичьего полета это место, должно быть, напоминает город-призрак или заброшенную съемочную площадку, учитывая, что на улицах куда больше бродячих кошек и ворон, нежели людей. Время от времени мимо нас проезжал небольшой пикап, но, кроме этого, единственным звуком было стрекотание цикад.

— Не обижайся, но это и правда захолустный городок.

— Ха-ха… Ну уж прости, если тебе не нравится. А каков был район, в котором ты жила?

— Не настолько столичный, каким ты его себе представляешь. Это вполне обычный жилой район.

— Серьезно? Хочешь сказать, что ты не ходила каждый день после школы в Харадзюку, чтобы купить блинчики?

— У тебя довольно специфичное представление о жизни в Токио, — хихикнула Андзу. — Типа, да, есть дети, которые занимаются подобным, но я знала только двух или трех. Центр города очень далеко.

— Хм. Не ожидал.

— Ну как уж есть, — пожала Андзу плечами, прежде чем сменить тему разговора. — А ты чем обычно занимаешься после школы?

— А, да ничем особенным. Читаю мангу, готовлю ужин, ленюсь. Ничего интересного.

— Ух ты, ты умеешь готовить?

— Есть немного.

— Тогда тебе как-нибудь нужно будет пригласить меня к себе на ужин.

Пока мы болтали, я заметил, что Андзу вела себя немного странно. Она казалась куда бодрее и общительнее, чем обычно. В любой другой ситуации я бы посчитал это чем-то хорошим, однако что-то в ее поведении подсказывало мне, что она отчаянно пытается не дать разговору закончиться, и потому пытается заполнить тишину любыми темами, приходящими ей на ум. Словно она пытается подлизаться ко мне, прежде чем рассказать что-то такое, что, как она знает, я не хотел бы услышать… И тем не менее это довольно незначительное изменение в ее поведении, так что, возможно, мне просто кажется.

Мы шли по унылой торговой улочке, находящейся под навесом из стальных балок. Она явно знавала лучшие дни. Количество закрытых витрин значительно превышало количество все еще открытых магазинов. Бродячая кошка лениво прошла перед нами, выйдя из-за шляпного магазина, в котором я ни разу не видел ни одного покупателя.

— Здесь точно есть кафе? — спросила Андзу, выглядя явно обеспокоенной.

— Да, это небольшая кафешка чуть дальше по дороге… А. Вот и она, — я указал на стоящий на обочине штендер. «Мы с гордостью подаем KEY COFFEE*», заявляла реклама. Рядом со входом находится прилавок, в котором выставлены муляжи предлагаемой ими еды: рисовый омлет, наполитан* и так далее. Когда мы зашли внутрь, прозвенел колокольчик, и нас поприветствовала сидящая за прилавком старушка, уперевшись руками в подбородок.

[П/П: KEY COFFEE — бренд японского кофе.]

[П/П: Наполитан — японское блюдо, состоящее из спагетти, кетчупа, лука, грибов, зеленого перца, сосисок, бекона и по желанию соуса Табаско.]

— Привет, детишки. Здесь сейчас пусто, так что садитесь, где угодно, — сказала она, прежде чем встать и направиться на кухню. Она явно была раздражена тем, что ее свободное время прервали. Пройдя по узкому, слабоосвещенному помещению, мы заняли столик на двоих, а затем взглянули на меню. Мой выбор быстро пал на рисовый омлет, а Андзу заказала сэндвич. Также мы попросили принести нам по чашечке кофе, когда закончим есть. Старушка записала наши заказы, а затем принесла нам два стакана воды со льдом. Я выпил свой залпом, после чего поставил пустой стакан на стол.

— Так что ты…

— В общем, эм…

Упс.

Мы заговорили одновременно. Застенчиво почесав затылок, я предложил Андзу сказать первой.

— А, нет, я просто, э… Я хотела спросить, часто ли ты сюда приходишь, — сказала она.

— М-м-м, время от времени. Где-то раз в месяц или около того.

— Один?

— Ага, по крайней мере начиная со средней школы. Раньше мы с Карен часто приходили сюда вместе, — обычно в сопровождении родителей, но мне показалось, что не стоит упоминать о них.

— Интересно… А какой была Карен? Не думаю, что я когда-либо спрашивала.

— О, она была великолепна… Очень милая, так еще и весьма умная. Она невероятно хорошо читала атмосферу. Если бы она дожила до средней школы, то я гарантирую, она была бы самой популярной девочкой в школе.

— Ух ты. Мне бы хотелось услышать о ней побольше. Можешь рассказать какие-нибудь забавные истории с ней?

— Еще бы! Я все еще помню о том случае, когда ей было всего три года, и мы…

Я начал безостановочно рассказывать о нескольких забавных случаях из детства, однако все это время мне казалось, что что-то здесь не так. Конечно, я рад выдавшейся возможности поговорить о своей младшей сестре, но почему Андзу так внезапно захотела узнать о ней? Не может же это быть причиной, по которой она решила встретиться со мной. Закончив рассказывать самые интересные истории о Карен, я решил задать вопрос.

— Слушай, так о чем ты хотела погово…

— Так, детишки. Один рисовый омлет и один сэндвич.

К сожалению, нашу еду принесли до того, как я успел закончить вопрос.

— Давай сначала поедим, — предложила Андзу.

— Д-да, хорошо.

Кажется, мне придется подождать, пока мы не закончим есть. Ну, ничего не поделать. Я размазал кетчуп обратной стороной ложки по омлету. Это обычный, ничем не примечательный рисовый омлет, состоящий из обжаренного с курицей риса, завернутого в тонкий омлет, однако из всего меню у этого блюда самое хорошее соотношение цены и калорийности, поэтому у меня вошло в привычку каждый раз заказывать именно его.

Я взглянул на Андзу, разрезая омлет вилкой. Ее сэндвич был довольно большим: куча слоев из ломтиков ветчины, листьев салата, помидоров и сыра, положенных в багет. Держа его обеими руками как гамбургер, она принялась его есть. Должен признать, он выглядел очень вкусно. Я сделал себе заметку купить его, когда приду сюда в следующий раз, а затем вспомнил, что к тому моменту, когда мы вернемся из Туннеля Урашимы, этого кафе уже, скорее всего, здесь не будет. И пока я меланхолично смотрел на сэндвич, который я, скорее всего, никогда попробую, я кое-что заметил: руки Андзу дрожат.

— Эй, Ханаширо?

— Мф?.. Фто тахое?

— Тебе кондиционер не дует?

Она проглотила откушенный кусок.

— Нет, все нормально.

— Ну тогда ладно… У тебя, кстати, горчица на щеке, — я потер большим пальцем по уголку своего рта, указывая на конкретное место.

Андзу сразу же покраснела и быстро вытерла ее платком. Кажется, она совершенно не заметила, что ее руки дрожат. Это показалось мне странным, но я все равно доел свою еду. Забрав у нас посуду, старушка принесла наш послеобеденный кофе.

— Так о чем ты хотела поговорить? — сказал я.

— Я хотела спросить у тебя о твоей сестре, — Андзу налила молоко и добавила сахар в свой кофе, а затем помешала его. — Я подумала, что мне следует узнать о ней побольше, иначе как я найду ее в туннеле? — ложка ритмично билась о края керамической кофейной чашки.

— Да? В таком случае ты бы, наверное, спросила о ее внешности, нежели о характере.

— Ну, я просто немного увлеклась, слушая твои великолепные истории. Уверяю тебя, я

собиралась спросить и о ее внешности.

— Ну же, ты явно что-то недоговариваешь, так ведь? А то ты могла бы спросить обо всем этом и по телефону.

— Вот тут не соглашусь. Я предпочитаю говорить лицом к лицу.

— …Ты разлила свой кофе.

Андзу замерла и резко прекратила размешивать кофе. Затем, нервно прикусив губу, она достала ложку из кофе и осторожно положила ее на блюдце.

— Слушай, Ханаширо. Я не собираюсь устраивать тебе допрос… но ты точно ничего не хочешь мне рассказать? О какой-то другой причине, по которой ты позвала меня сюда?

Она не ответила.

— Послушай. Я хочу, чтобы мы зашли завтра в туннель без каких-либо сожалений. Так почему бы тебе не признаться и не сказать мне правду? Что бы это ни было, обещаю, я не стану плохо о тебе думать.

Андзу посмотрела на меня дрожащими глазами. Она явно не хочет обсуждать эту тему. Я сидел прямо, готовый выслушать все, что она скажет, даже если бы мне не хотелось об этом знать.

Андзу сделала большой глоток кофе, а затем начала говорить.

— …Ты когда-нибудь слышал о Ежемесячном Джорно?

— Э?

Из всех вещей, о которых она могла сказать, это последнее, о чем я бы подумал. Ежемесячный Джорно — это журнал манги, по большей части нацеленный на взрослую аудиторию. Я листал его пару раз во время визита в парикмахерскую. В нем было представлено множество жанров для людей постарше, начиная темным фэнтези и заканчивая повседневностью для взрослых. В общем и целом, при прочтении этого журнала всегда можно заметить, что у авторов каждой публикуемой в нем манги есть поистине уникальное творческое видение.

— Да, я знаю о нем. А что?

— …Четыре раза в год они проводят так называемое Соревнование Восходящих Звезд, в

котором они принимают оригинальные работы начинающих мангак и выбирают одного победителя, работа которого появится в следующем выпуске.

— Та-а-ак?

— И, ну… я подала свою работу на весеннее соревнование несколько месяцев назад. И они наконец-то опубликовали результаты в последнем выпуске, который вышел сегодня в продажу.

Ага.

Это объясняет, почему Андзу решила назначить экспедицию в Туннель Урашимы на второе августа. Мне показалось весьма странным, что она выбрала второе число вместо первого, но теперь я понял, что Андзу просто хотела узнать результаты до того, как мы отправимся. Это имело смысл. Очевидно, что если бы она и правда победила, то было бы весьма неловко, если бы она пропала на несколько лет, даже не узнав об этом.

Погодите… А ну минуточку.

— Ты же не собираешься сказать мне, что ты и правда победила, да?

— Нет, нет. Я проиграла.

— А… П-понятно.

— Но, — продолжила Андзу, прежде чем я успел выразить свое сожаление. — как оказалось, одному редактору из команды, занимающейся публикацией, очень понравилась моя работа, даже если она и не выиграла… И он связался со мной, чтобы узнать, заинтересована ли я в работе над своей мангой вместе с ним.

— …Погоди. С-серьезно? Так твою мангу все-таки опубликуют?!

— Нет, не совсем. Это просто означает, что у меня теперь будет собственный редактор, с которым я смогу вместе работать над будущими проектами. И это все, что мне сказали…

— Ничего себе. Собственный редактор, говоришь…

Все это было мне настолько чуждо, что мне начало казаться, будто я недостоин находиться в кругу общения Андзу. Когда я встретился с ней взглядом, мне показалось, будто она резко отдалилась от меня, словно это сцена с удлиняющимся коридором из фильма ужасов.

— Так, э… Что это в итоге значит? Что ты будешь делать теперь, когда у тебя появился

собственный редактор? Знаешь, это довольно забавно. Я читаю много манги, но у меня такое чувство, будто я не знаю практически ничего о том, как ее делают.

— Ну, подавляющее большинство людей принимают участие в соревнованиях, пока они не выиграют. В теории я продолжу рисовать манускрипты, отправлять их своему редактору на оценку, делать изменения, основываясь на этой оценке, и надеяться, что это улучшит конечный результат… Во всяком случае, мне так кажется. Я в этом тоже мало разбираюсь.

— То есть ты решила, что хочешь заниматься этим? — спросил я. Возможно, я надавил на нее слишком сильно, так как она слегка нахмурила брови.

— Проблема не в том, чего я «хочу». Это означает лишь то, что есть редактор, которому понравилась моя работа, что довольно круто. Но на этом все. Конец истории. Это нисколечко не меняет моих планов.

— Ну, «план» состоит в том, чтобы отправиться завтра в Туннель Урашимы… Ты все еще уверена, что хочешь этого?

Вполне возможно, что мы пропадем из этого мира на месяцы или даже годы. Что-то подсказывает мне, что новый редактор Андзу не собирается сидеть и ждать ее новую мангу так долго, а я ведь даже не разбираюсь в этом бизнесе, и то понимаю это.

— …Это глупый вопрос, — сказала Андзу. — Ты серьезно думаешь, что я откланяюсь в последнюю минуту просто потому, что они ни с того ни с сего решили назначить мне редактора? Конечно, это жалость, что мне придется упустить такую возможность, но кого это волнует? Туннель даст мне нечто гораздо ценнее одного жалкого редактора. Но это не означает, что я собираюсь бросить рисовать мангу. Теперь, когда я знаю, что результат моего труда чего-то да стоит, я смогу направить на это все свои силы, как только мы вернемся из туннеля. Так что, пожалуйста, забудь ты уже об этом редакторе, хорошо?

Если это твои истинные чувства, то почему ты выглядишь такой расстроенной? Я думал, что стать мангакой — это то, чего ты всегда желала. Разве ты не рада наконец-то получить признание профессионалов? Ты и правда собираешься просто взять и упустить такую уникальную возможность добиться успеха? Да черта с два.

— Мне кажется, что тебе правда стоит подумать об этом подольше, Ханаширо. Давай отложим экспедицию хотя бы ненадолго.

Андзу замотала головой так сильно, словно я попросил ее пойти против своих принципов.

— Ни за что. В конечном итоге мне станет только сложнее все оставить.

— Сложнее оставить что?

— Все. Мою карьеру мангаки, дружбу с Кохару: весь мертвый груз, который может заставить меня передумать идти в туннель. Чем дольше мы будем откладывать, тем сложнее будет оборвать эти связи и оставить все позади. Если мы не попрощаемся с миром и не отправимся в туннель прямо сейчас, то, боюсь, мы никогда этого не сделаем.

— О, да ладно тебе. Не зови своего друга мертвым грузом. И не говори так о своей манге. Я знаю, насколько она важна для тебя.

— Ну, это просто глупое хобби…

— Послушай. Я вижу, что ты сомневаешься. Иначе ты бы не позвала меня сюда для разговора. Если у тебя есть сомнения, тогда нам правда стоит дать по тормозам и подумать над нашим планом.

— Аргх… — проворчала Андзу, поставив локти на стол и ухватившись руками за голову. Ее челка свисала над столом, словно занавеска, пока она стонала из-за своих переживаний. — Я не знаю, что в итоге окажется для меня лучше… Что же мне...

Я уставился на висевший над нами потолочный вентилятор, моторчик которого тихо жужжал, безостановочно вращая лопасти по кругу. Я принял решение.

— Мы отложим экспедицию. Это даст нам обоим время подумать о том, чего мы хотим на самом деле.

— …Хорошо.

Не обращая никакого внимания на то, насколько неприятным это могло ей показаться, я взял свою чашку кофе и залпом выпил ее еле теплое содержимое.

***

Даже после того как мы рассчитались с владелицей кафе и вышли на улицу, Андзу все еще выглядела весьма подавленной: ее плечи были поникшими, а взгляд устремлен вниз. На протяжении всей дороги домой никто из нас не проронил и слова, и все те несколько раз, когда я попытался завязать разговор, она дала лишь одно- или двусложные ответы. В конце концов я решил бросить эту затею, понимая, что насильные попытки взбодрить ее не приведут ни к чему хорошему. Поэтому оставшийся путь до автобусной остановки, находящейся перед школой, мы прошли молча. Изначально я собирался попрощаться с Андзу и сразу же направиться на железнодорожную станцию, но мне казалось неправильным оставлять ее одну, когда она так расстроена, так что я решил остаться и подождать ее автобус вместе с ней.

— …Мне правда жаль, — сказала она внезапно, нарушая тишину.

— Все нормально. Не то чтобы кто-то из нас сделал что-то неправильное.

— Но… ты так долго ждал встречи со своей сестрой, и теперь из-за меня…

Андзу всхлипнула. Кажется, она чувствовала себя куда хуже, чем я думал. Нервно почесав затылок, я попытался заговорить самым обнадеживающим голосом, какой я только мог сделать.

— О, да ладно тебе. Взбодрись, дорогуша. Ненавижу видеть, как такие красивые девочки плачут.

— Прекрати, я вообще-то серьезно…

— Так и я тоже.

Я положил руки на плечи Андзу, и она немного дернулась назад. Ее тело настолько хрупкое, что я через кожу мог прочувствовать точную форму ее ключицы. Я нежно взял ее за плечи, и все ее тело вздрогнуло. Но я не отпустил ее. Вместо этого я поднес свое лицо ближе: достаточно близко, чтобы увидеть свое отражение в ее заплаканных глазах.

— Ч-что? — спросила она.

— …Ты и правда красивая. Ты знала об этом?

— Э?..

— У тебя прекрасные большие глаза, идеальная кожа, милый носик… У тебя настолько идеальное лицо, насколько это возможно. Ты могла бы стать моделью, если постараешься. Да че уж там, ты уже и так красивее половины моделей с обложек журналов.

Лицо Андзу налилось краской, а из ушей чуть ли не пошел дым. Стоя так близко к ней, я прекрасно видел каждое небольшое изменение в выражении ее лица.

— П-прекрати, Тоно-кун… Что на тебя вдруг нашло?..

Андзу попыталась спрятать лицо, но я взял ее за запястья и увел их в стороны, подняв их высоко над ее головой и поставив ее в позу «сдаюсь». Затем я продолжил говорить настолько громким голосом, что меня мог услышать каждый находящийся в школе учитель и ученик.

— Признай это, Ханаширо! Ты самая настоящая красотка! Ты и сногсшибательно прекрасна, и неимоверно мила! Ты должна быть самой милой девчонкой во всем мире!

На этот раз мне показалось, будто у нее из ушей и правда повалил дым.

— Т-ты прекратишь уже, нет?! — зашипела Андзу, высвободив руки, чтобы закрыть мне рот. — К-какого черта на тебя нашло?! Ты совсем с ума сошел?!

— Ха-ха-ха… Прости, прости. Просто подумал, что это самый быстрый и простой способ взбодрить тебя.

— Ты невыносим… — Андзу сделала резкий презрительный вздох. А секундой позже, как я и надеялся, я услышал тихий «пф-ф», после которого она разразилась хохотом. — Пф-ха-ха! А-ха-ха-ха! О боже, я не могу! Как ты можешь быть настолько глупым?! Умираю! А-ха-ха-ха-ха!

Вид того, как она неконтролируемо хохочет, развеселил и меня, и вскоре я разразился хохотом вместе с Андзу, совершенно не обращая внимания на осуждающие взгляды проходящих мимо людей. Смех вырывался из нас словно пламя из печи, и каждый раз, когда мы успокаивались, угли разжигали это пламя вновь и вновь. Вскоре у меня возникло чувство, словно мы и вовсе забыли, над чем смеялись, и теперь ухахатывались с собственного смеха. Наконец, когда мои щеки начали болеть, мы успокоились. Мы оба были промокшими от пота и полностью выдохшимися.

— Ох, как же я устал, — сказал я, все еще задыхаясь. — Боже, Ханаширо. Почему ты заставила меня так долго смеяться?

— Я? Это ты начал… Боже, как же у меня болит живот, — Андзу все еще немного хихикала, вытирая слезы с уголков глаз. Это было простое движение рукой, однако, по непонятным мне причинам, оно показалось мне странно завораживающим, даже соблазняющим.

— Но какой же у тебя привлекательный смех, — сказал я. — Кто-нибудь говорил тебе об этом?

— Ну уж нет! Я не дам тебе снова рассмешить меня!.. — Андзу развернулась, миленько хмыкнув. Я поймал себя на мысли, что все это напоминало сцену прямиком из подростковой романтической манги, и что я наслаждался неповторимым трепетом от неуклюжего юношеского флирта.

Затем, словно по сигналу, автобус Андзу подъехал на остановку, и его автоматические двери открылись. Она игриво улыбнулась, а затем запрыгнула в автобус.

— Что ж. Тогда до связи.

— Ага. Увидимся.

Громко выпустив сжатый воздух, автоматические двери закрылись, и автобус отъехал от тротуара. Я стоял и провожал его взглядом до тех пор, пока он не пропал из виду. Среди

неприятной какофонии цикад послышалась приглушенная игра духовых инструментов, явно не попадающих в ноты. Кажется, началась репетиция духового ансамбля. Прислушавшись, я услышал выкрики одной из спортивных команд, готовящихся заканчивать тренировку. Судя по всему, уже наступил час, когда клубы обычно начинают завершать свои активности. Если я простою здесь чуть дольше, то увижу, как через главные ворота пройдет довольно немалое количество учеников.

— …Думаю, пора бы мне уходить.

Я отправился к железнодорожной станции. Подняв взгляд, я увидел настолько голубое небо, что оно даже не казалось реальным.

Я чувствую себя живым.

Продолжение следует…

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: https://vk.com/ranobelist

http://tl.rulate.ru/book/78500/2535430